

Программа Европейского сообщества TEMPUS/TACIS

И.Ф.Девятко

**МОДЕЛИ ОБЪЯСНЕНИЯ И ЛОГИКА
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Обзорный план курса

Москва, 1996

© И.Ф.ДЕВЯТКО, 1996

Курс «Модели объяснения и логика социологического исследования» освещает два взаимосвязанных вопроса:

- каковы основные типы теоретического объяснения в социологии?

- какого рода эмпирические данные используются сторонниками различных моделей объяснения?

Методологи и философы науки полагают, что продолжающиеся многие десятилетия споры о логике и методах социальных наук связаны с различиями стратегий и моделей теоретического объяснения. В курсе систематически рассматриваются основные модели социологического объяснения - прежде всего, позитивистская, бихевиористская, интерпретативная, этнометодологическая, функционалистская и структуралистская. Анализируется, какое влияние оказывают различия между описанными моделями на методы исследования, способы концептуализации эмпирического материала, а также на критерии оценки различных теорий.

“Полевым материалом” для анализа описанных различий служат основные диспуты о методологии социальных наук - от классической контрверзы “объяснение-понимание” до сравнительно недавних споров о том, насколько применимы принципы рациональности и неопределенности к анализу человеческого действия. В курсе используются многочисленные примеры из реальной исследовательской практики, иллюстрирующие различные методы исследования и модели объяснения.

I ВВЕДЕНИЕ 5

Тема 1: Чем занимается методология? Как соотносятся эпистемология, методология и методы социологического исследования? “Диспут о Методе”. “Реконструированная логика” и “реально используемая логика” 5

Тема 2: Исследовательские программы, модели объяснения и логика социологического исследования 8

Тема 3: В чем разница между “объяснением”, “интерпретацией” и “описанием”? Какова специфика “научных объяснений”? 15

II НАТУРАЛИЗМ 24

Тема 4: Позитивизм и дедуктивно-номологическая модель объяснения. Возможны ли охватывающие законы в социальных науках? Пример: натуралистская модель рационального действия. 24

Тема 5: Бихевиоризм и альтернативная программа натуралистского объяснения действия. 32

III ФУНКЦИОНАЛИЗМ 38

Тема 6: Мотивы, цели и функции. Типы функциональных объяснений. Классический функционализм и “незаконная” телеология. Пример: функционалистская теория социальной стратификации. 38

Тема 7: Структурный функционализм: теория или методология? Примеры: анализ функций “политической машины” (Р.Мертон) и “демократического лидерства” в мужских военных союзах (М.Даглас). 41

Тема 8: Логический функционализм: Т.Парсонс о структуре социального действия. 46

IV ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОДХОД 50

Тема 9: От антинатурализма к интерпретативной программе: П.Уинч об объяснительных возможностях “правил” в социальных науках 50

<u>Тема 10: Проблема интерпретации и “двойная герменевтика”. Пример: “густые” и “жидкие” описания в культурной антропологии.</u>	56
<u>Тема 11: Этнометодология: исследование пределов “объяснимого”</u>	62
V СТРУКТУРАЛИЗМ	66
<u>Тема 12: По ту сторону действия: структуралистская модель в науках о человеке</u>	66
<u>Тема 13: Структурная антропология</u>	70
<u>Тема 14: Структуралистская перспектива в марксизме и фрейдизме: “слепые силы” материального и сексуального производства</u>	73
<u>Тема 15: Социологические версии структурализма. Пример: три образа власти (Маркс, Парсонс, Фуко)</u>	77
ЛИТЕРАТУРА	83

I Введение

Тема 1: Чем занимается методология? Как соотносятся эпистемология, методология и методы социологического исследования? “Диспут о Методе”. “Реконструированная логика” и “реально используемая логика”

Чаще всего под методологией конкретной науки понимают совокупность используемых ею методов получения и подтверждения нового знания. При такой трактовке методология - это корпус специальных, технических приемов, которыми пользуются ученые. Мы, однако, будем придерживаться более широкого понимания социологической методологии как *исследования используемых социологами методов, включающего в себя их описание, объяснение, обоснование и оценку*. Таким образом, мы будем обсуждать в данном курсе и сугубо “технологическую” сторону процесса социологического исследования, и критерии оценки конкретных методов и техник, и обоснованность эмпирических доказательств, получаемых с помощью этих методов и техник.

Самыми общими, философскими основаниями методологии занимается *теория познания*, или *эпистемология*. Эпистемология исследует принципиальные проблемы научного знания - проблемы истинности, объективности, роли эмпирических доказательств в подтверждении теории и т.п. В науках о поведении человека и

обществе эпистемология исторически сыграла очень значительную роль. Если естественнонаучные дисциплины уже в XVIII веке приобрели знакомый нам облик, то становление социологии, психологии и других наук о человеческом поведении задержалось по меньшей мере до второй половины XIX века. Естественные науки начинали свое победное шествие с блистательных экспериментов-демонстраций (почва для которых, кстати, уже была подготовлена алхимией), а также с принципиально новых теорий, подобных классической механике Ньютона. Социологии и наукам о поведении с самого начала пришлось выдерживать определенное давление со стороны естественнонаучных дисциплин, неявно диктовавших более “молодым” наукам свои нормы и критерии оценки научных результатов. Точно такое же нормативное давление оказывали на социологию давно и прочно обосновавшиеся в университетских расписаниях гуманитарные дисциплины, в особенности, история, лингвистика и классическая филология. Эти гуманитарные дисциплины сравнительно поздно открыли для себя существование “теории” как особо организованного типа знания, специально противопоставляемого независимому эмпирическому доказательству. В области гуманитарного знания господствовали *историческо-генетический* и так наз. *сравнительный* подходы, мало пригодные для создания абстрактных теорий, но зато позволявшие бережно реконструировать изучаемые явления во всей полноте исторических деталей. Обобщения, достигавшиеся с помощью сравнительного метода - например, воссоздание взаимосвязей между рядом индоевропейских языков и гипотетическим *индогерманским* *празыком*, реконструированным немецким филологом Августом Шлейхером, - сами по себе воспринимались как результат, не требовавший каких-то независимых эмпирических проверок¹.

---

¹ Тем более, что возможность эмпирической проверки таких уникальных, уже ушедших в прошлое и не оставивших материальных свидетельств событий трудно даже вообразить.

В ситуации описанного “двойного нормативного давления”- со стороны естественных наук и со стороны гуманитарных дисциплин - преувеличенное внимание к научному методу оказалось естественной защитной реакцией социальных и поведенческих наук, боровшихся за признание своего статуса. Поэтому уже к концу прошлого века в этих дисциплинах разгорелся “диспут о Методе”, не утихающий и по сию пору и касающийся, по сути, двух взаимосвязанных вопросов:

- должны ли социология и родственные дисциплины стремиться к созданию *теорий*, или целью является создание убедительных и основанных на сохранившихся источниках *историй*;

- какими должны быть используемые этими науками *методы*?

Различные школы и доктрины по-разному отвечали на эти вопросы, и постепенно вокруг “диспута о Методе” сформировалось относительно самостоятельное научное направление, которое стали называть *философской методологией*, или *философией социальных наук*.

До недавнего времени философской методологии принято было противопоставлять методологию как специальную дисциплину, изучающую конкретные техники социологического исследования. Предполагалось, что философская методология занимается самыми общими проблемами описания, объяснения и обоснования тех методов, которые используются при получении социологического знания, но не методами как таковыми. Постепенно, однако, стал очевиден весьма условный характер этого противопоставления. С одной стороны, практическую ценность для социологии представляют не абстрактные логические принципы, следующие из теории доказательства или, скажем, концепции индуктивного вывода, а реально используемые социологами модели объяснения и прикладная логика социологического исследования. С другой стороны, даже очень специальные вопросы, касающиеся, например, техник

измерения или сбора данных, не могут быть решены без обращения к более общим представлениям о природе доступных социологу эмпирических показателей и о нормативных критериях, используемых в процессе обоснования истинности и достоверности нового знания. Иными словами, невозможно оценить, скажем, методическую корректность экспериментов с крысами в лабиринте, не зная, какие теоретические модели используются для объяснения социального научения в бихевиоризме. Точно так же нельзя понять, что, собственно, следует считать эмпирическим доказательством, рассматривая детальные стенограммы обычных телефонных разговоров, тщательно зафиксированных этнометодологом, если не знать, как этнометодология трактует межличностное взаимодействие и каковы, с точки зрения этого направления, задачи социологического исследования. Поэтому в центре методологических дискуссий сейчас все чаще оказываются не отвлеченные эпистемологические проблемы, но и не сугубо технические вопросы организации социологического исследования, а “методы среднего уровня”. Соответственно, задачей методологии социальных наук становится анализ реальной логики, определяющей практику социологического исследования в рамках определенной теоретической перспективы, а не навязывание социологам единого нормативного стандарта “реконструированной логики”, позаимствованной из более благополучных наук (А.Каплан).

Тема 2: Исследовательские программы, модели объяснения и логика социологического исследования

В период становления социологии ни “отцы-основатели” новой дисциплины, ни социальные реформаторы, ожидавшие от нее научно-обоснованных рецептов решения общественных проблем, не сомневались в том, что наука об обществе будет порождать тот же тип знания, который утвердился в качестве образца в естественных науках Нового времени: Конт видел в социологии завершение системы “позитивных наук”, полагая, что формулируемые ею общие законы будут обладать точностью закона всемирного тяготения; Спенсер полагал, что залогом единства всех наук, включая социальные, является не знающий исключений принцип эволюции; Дюркгейм, относясь скептически к контовской иерархии наук, был убежден в том, что автономная реальность общества является органической частью природного порядка и требует эмпирического научного исследования (кроме того, на социологический реализм Дюркгейма явно повлиял принцип холизма, утвердившийся в биологических науках). В основе этих взглядов лежала фундаментальная предпосылка *единства метода* всех наук. Принятие этой предпосылки в социальной философии вело к *натуралистической* концепции социальных наук, согласно которой методы, природа и цели научного исследования общества принципиально не отличаются от тех, которые характерны для естественных наук. (Довольно часто основанные на этой предпосылке методологические доктрины называют *позитивистскими* или *эмпирицистскими*. Однако это обозначение нельзя признать удачным: в логике и истории науки существовало множество вариаций “позитивизма”, и не всякий эмпиризм принимает тезис единства метода.) Натурализму в философии социальных наук противостояла *герменевтическая* (или *интерпретативная*) доктрина, ориентированная, как уже говорилось, на образцы гуманитарного знания (в частности, на достижения *исторической школы* в области экономики и права) и усвоившая философские идеи неокантианства Баденской школы - противопоставление нормативного подхода к сфере

ценностей (“должного”) и опытного подхода к изучению природного мира (“сущего”), а также следующее отсюда различие *идиографического* и *номотетического* подходов, изучающих, соответственно, единичное и исключительное либо общее и закономерно повторяемое (В.Виндельбанд, Г.Риккерт). “Диспут о методе” к концу XIX века свелся к противопоставлению наук о природе и наук о культуре (*Natur-* и *Geisteswissenschaften*). Этот диспут породил ряд частных споров: о методе социальных наук (**объяснение** или **понимание**), о целях научного исследования человека и общества (**социальный контроль** или **рост самосознания**), о предмете (**природа** либо **культура**). При этом ни одна из сторон - ни натуралисты-”позитивисты”, ни их критики - не ставила под сомнение существование единого “Метода естественных наук”.

В 1960-1970-е гг. в философии и истории науки возникли новые, *постэмпиристские* концепции, радикально изменившие устоявшиеся взгляды на то, чем в действительности занимаются ученые. В философии эти изменения были связаны с возникновением постпозитивистских течений, пришедших на смену *логическому позитивизму Венского кружка*², члены которого предприняли самую последовательную попытку построить образ науки, основанный на двух центральных идеях:

- эмпиризма и позитивизма (источником научного знания является непосредственный опыт, определяющий пределы того, что в принципе может быть законным предметом научного исследования);
- натурализма (целью научных изысканий является создание единой науки, что и достигается применением логического анализа к эмпирическому материалу).

---

² Возникновение Венского кружка стало результатом работы философского семинара, руководимого профессором Венского университета Морицем Шликом (1882-1936). Среди самых известных участников были Рудольф Карнап (1891-1970), Отто Нойрат (1882-1936), Герберт Фейгль (р. 1902).

Кризис позитивистской эпистемологии поставил под сомнение не только идею единой науки, но и существование универсального канона научной рациональности. В результате одни *постпозитивистские доктрины* решили отказаться от идеи единой рациональности (П.Фейерабенд), а другие - изменить трактовку этой идеи (примером здесь может служить *реалистская концепция науки*, о которой мы будем говорить позднее). Описанные перемены совпали во времени с еще более радикальными сдвигами в такой, на первый взгляд, “скучной” дисциплине, как история науки. На смену идеализированному образу естественных наук пришли детальные исторические реконструкции, подчеркивавшие (а иногда - преувеличивавшие) роль социального и культурного контекста в изменении господствующих теоретических представлений. При этом уже устоявшаяся граница между естественнонаучным и общественнонаучным знанием оказалась вновь размыта, на этот раз - “по вине” естественных наук. Ключевую роль здесь сыграл выход книги Т.Куна “Структура научных революций” (1962). Кун описывает историю естественных наук как смену затяжных периодов “нормальной науки”, когда решение научных проблем происходит в рамках господствующей на данный момент “*парадигмы*” (т.е. модели научной деятельности, включающей в себя теоретические стандарты, критерии оценки исследовательской практики, методологические нормы, образцовые решения исследовательских задач и общее “мировоззрение”), а также кратких “революционных” периодов, когда прежняя парадигма исчерпывает свои возможности в решении возникающих в ее рамках научных проблем и на смену ей приходит новая парадигма. При этом прежние и новые теории по-разному определяют область теоретически-релевантных (подтверждающих или опровергающих теорию) фактов. И поскольку **именно теории определяют, что считать фактом**, утрачивает смысл ключевое для позитивистского образа науки понятие теоретически нейтрального языка наблюдения.

Теоретические перспективы, каждая со своим “набором” релевантного эмпирического знания, часто оказываются “несоизмеримыми”. Реальная практика естественных наук, таким образом, демонстрирует не торжество единого Метода и дедуктивно-номологической модели объяснения, а конкурентную борьбу парадигм и научных школ. Самые радикальные интерпретации взглядов Куна предполагают, что решающую роль в утверждении господства той или иной парадигмы играют именно “экстранаучные” обстоятельства: борьба различных групп внутри научного сообщества, социальный контекст науки и т.п. В действительности, Кун подчеркивает, что наступление периода консенсуса, делающего возможным “нормальную науку”, становится возможным лишь тогда, когда новая парадигма позволяет получить “образцовое” решение конкретной проблемы, а не просто в результате гибели слабейших и воцарения тех теоретических взглядов, которые исповедует победившая группировка. Очевидно, однако, что даже самые умеренные версии постэмпиризма в философии и истории науки требуют рассмотрения реальной (а не идеализированной) логики научного исследования, включенной в более широкий исторический и социальный контекст.

Теоретические перспективы, помещенные в более широкие социальные и исторические рамки, внутри которых они применяются и изменяются³, называются *исследовательскими программами* (И.Лакатос). Исследовательские программы оцениваются на основании их способности плодотворно решать научные задачи. Соответственно, в развитии конкретной программы выделяют “прогрессивную стадию” успешного накопления знаний и “стадию вырождения”, когда основные усилия приверженцев программы направлены не на решение новых задач, а на защиту ключевых предположений при помощи изобретаемых *ad hoc* поправок и вспомогательных гипотез.

Под влиянием постэмпиризма в философии социальных наук возникли новые подходы, в которых доминирующая роль в определении *норм научного исследования* приписывается не “независимому” эмпирическому доказательству и логико-дедуктивному методу, а *моделям теоретического объяснения*, принимаемым той или иной исследовательской программой. Доминирующая модель теоретического объяснения предопределяет нормативные логические стандарты, с помощью которых ученые оценивают, что - в рамках данной исследовательской программы - считается плохим либо хорошим объяснением, описанием, доказательством. Даже исходя из постэмпиристских представлений об историческом и локальном характере научного знания, невозможно отрицать существование таких *нормативных стандартов оценки*, позволяющих соотносить реальную исследовательскую практику с программами и моделями объяснения. Теоретические перспективы, таким образом, предопределяют *прикладную логику научного исследования*, т.е. собственно его *методологию* (и философскую, и “техническую”). С другой стороны, реальная исследовательская практика и воплощенная в этой практике прикладная логика оказывают обратное влияние на модели теоретического обоснования и, в конечном счете, на “выживание” исследовательских программ, так как успешность последних может оцениваться лишь относительно используемых внутри этих программ стандартов оценивания.

Модели объяснения, таким образом, *представляют собой стандарты для оценки адекватности объяснений в рамках конкретной теоретической перспективы или, шире, исследовательской программы*. Различные типы объяснения предъявляют различные требования к эмпирическим данным, определяя *реальную логику исследования* (т.е. методологические нормы, стандарты оценки, способы концептуализации и используемые методы). Рассматривая различные модели

---

³ Эту операцию обратной “проекции” идей в исторический, политический и т.п. контекст иногда

объяснения - натуралистскую, бихевиористскую, интерпретативную, этнометодологическую, функционалистскую, структуралистскую и реалистскую, - мы уделим особое внимание анализу примеров из исследовательской практики.

В философии и методологии социальных наук были предприняты также неоднократные попытки выделить некие общие “парадигмы”, каждая из которых объединяет несколько моделей объяснения (Р.Фридрихс, Дж.Ритцер, П.Рот и др.). Наиболее разработанная из этих классификаций (Ритцер) включает четыре признака, позволяющих анализировать ведущие социологические “парадигмы”:

- образцовое исследование;
- носящее мировоззренческий характер представление о предмете социологии (“онтология”);
- методы исследования;
- модель теоретического объяснения, или теоретическая перспектива.

Ритцер выделяет три социологические “парадигмы”: 1) **парадигму социальных фактов**; 2) **парадигму социальных дефиниций** (называемую также **конструкционистской**, или **интерпретативной**); 3) **бихевиористскую парадигму**.

Образцом исследования для *фактистской парадигмы* является “Самоубийство” Э.Дюркгейма (1897); основным предметом - “социальные факты” в дюркгеймовском смысле, т.е. структуры и институты, а также их влияние на действия и предпочтения личности; к ведущим методам исследования здесь относятся сравнительно-исторический и опросный. К фактистской парадигме Ритцер относит такие теоретические перспективы, как структурный функционализм, системное теоретизирование, теории конфликта.

называют *реконтекстуализацией* (термин заимствован из литературоведения).

Интегрирующим образцом для “дефиниционистов” является, по мнению Ритцера, веберовская концепция социального действия; предметом исследования - определение ситуации “с точки зрения действующего” (У.Томас) и влияние таких определений на взаимодействие между людьми; предпочитаемыми методами - этнографический (включенное наблюдение) и биографический; наконец, модели теоретического объяснения, относящиеся к этой парадигме, включают в себя символический интеракционизм, феноменологию, этнометодологию, экзистенциализм.

Образцом *бихевиористского* стиля является творчество Б.Ф.Скиннера; предметом исследования для социальных бихевиористов служит, с точки зрения Ритцера (как мы увидим позднее, далеко не бесспорной), поведение индивидов; доминирующим методом здесь является эксперимент, а основными теоретическими моделями - теории “выученного поведения” и теории обмена.

Тема 3: В чем разница между “объяснением”, “интерпретацией” и “описанием”? Какова специфика “научных объяснений”?

Прежде всего заметим, что даже в обыденном языке мы используем понятия “объяснить”, “объяснение” двумя совершенно различными способами.

Во-первых, мы **объясняем смысл** событий и поступков другим людям, делая это приблизительно так, как мать объясняет ребенку смысл слова, выражения или какого-то иного символа. Речь идет не о каком-то метафизическом, запредельном “Смысле”. Здесь скорее уместна аналогия с языковыми значениями в лингвистике: как для объяснения неизвестного или иностранного слова толковый словарь дает парафразу,

перевод или слово со сходным значением, так и события или поступки могут растолковываться другому человеку с помощью уточнений, аналогий, указаний на предысторию и смысловой контекст происходящего. Иными словами, мы “переводим” наблюдаемое поведение на понятный нашему слушателю язык, исходя из его предполагаемого опыта, осведомленности, нормативных представлений и т.п. Такое объяснение - это прежде всего **акт коммуникации**, направленный на конкретного слушателя (или конкретную аудиторию) и имеющий совершенно прагматическую цель - добиться **понимания**. Понимание обычно подразумевает, что объясняющий и слушающий пришли к согласованной трактовке смысла наблюдаемой “картинки” - например, “бьет - значит, любит”, “подсматривает в замочную скважину - значит, проводит исследование ролевого взаимодействия в супружеских диадах”. Прагматическую природу этого типа объяснения подчеркивает его открытый и договорной характер. Такое объяснение “сработало” и может быть признано успешным, если его принял тот, кому оно адресовано (вне жесткой зависимости от каких-то объективных критериев согласованности и логичности)⁴. Известный американский специалист по логике и философии социальных наук А.Каплан предложил называть описанный тип объяснения *семантическим*⁵.

От семантического принято отличать объяснение *научное*. Научное объяснение ориентировано не на конкретного слушателя, а на некие **объективные стандарты логического вывода**. Логическим выводом, напомним, является процедура, позволяющая получить из **истинных** (очень важное условие!) суждений-посылок заключение, которое гарантированно, без всяких дополнительных изысканий, является

---

⁴ Тот, кто дает объяснение, принимает его по определению. Вопрос об искренности, правдивости обоих участников коммуникации (т.е. дающего объяснение и принимающего его) нами пока не рассматривается. Заметим лишь, что искренность дающего объяснение существенно влияет на шансы принятия последнего.

также **истинным** суждением. В основе научного объяснения лежит **общий закон**, позволяющий объяснить или предсказать результаты наблюдений. Критерий успешности научного объяснения - это возможность подведения наблюдаемых событий или поведения под некую общую закономерность. Если общий закон, например, имеет вид: “Все живые организмы, будучи подвергнуты пищевой депривации, начинают активные поиски пищи”, то его подтверждением будет любое наблюдение, устанавливающее взаимосвязь между лишением пищи в течение существенного промежутка времени и попытками добыть еду (конечно, конкретные стратегии пищевого поиска у представителей различных видов будут отличаться). При этом достижению согласия между дающим объяснение и слушателем в случае научного объяснения придается сравнительно меньшее значение, чем в случае семантического. Иными словами, при обсуждении закономерностей, описывающих пищевое поведение млекопитающих, никто не придаст решающего значения “семантическим” возражениям. Примерами последних могут служить, например, следующие высказывания: “Шимпанзе Султан пытался достать бананы, чтобы не разочаровать экспериментатора” или “Причиной того, что испытуемый Петров многократно открывал и закрывал дверцу холодильника были не муки голода, а желание продемонстрировать жене недовольство тем, как она ведет домашнее хозяйство”. Приведенные в качестве примера объяснения, однако, перестанут игнорироваться в качестве научных, как только удастся сформулировать для них некий **новый общий закон** (например, для поведения всех шимпанзе - закон фиксации несвязанного либидо на экспериментаторе).

---

⁵ A.Kaplan. The Conduct of Inquiry. Methodology for Behavioral Sciences. San Francisco: Chandler, 1964. Ch.9.

В самом общем виде, разница между семантическим и научным объяснением - это разница между **понятным** и **истинным** высказыванием. Понятное - это всегда понятное кому-то, но вовсе не обязательно этим кем-то разделяемое, принимаемое на веру и т.п.⁶ В истинности высказываний, обозначенных нами как “истинные”, должен быть убежден хотя бы тот, кто их формулирует, а для того, чтобы передать свою убежденность другим людям, такой убежденный субъект должен воспользоваться специальными средствами обоснования истинности высказывания. Специальные средства обоснования истинности высказывания - например, эксперимент, независимое свидетельское показание, включение в контекст прежних высказываний и т.п., - используются нами не только в науке, но и в повседневной жизни, однако до недавних пор принято было считать, что специальная озабоченность формулировкой истинных высказываний - прерогатива науки, ее *институциональная функция*. В последние десятилетия в философии науки, однако, возобладали течения, критикующие претензии науки на “привилегированный доступ” к истине. Критики подчеркивают, во-первых, то обстоятельство, что присущие науке методы установления истинности используются и другими традициями и “сообществами знания” - от народной медицины до оккультизма. Во-вторых, говорят они, наука - это социальный институт, а ученые - живые люди, склонные руководствоваться профессионально-корпоративными, групповыми, эгоистическими и прочими интересами, и, следовательно, процесс установления истины в науке основан не столько на беспристрастном исследовании фактов, сколько на переговорах, согласованном конструировании “теоретических фикций” и балансировании интересов, щедро сдобренном объективистской риторикой. Сама наука рассматривается такими критиками как использование языка, дискурса, “рассуждений” для обоснования профессиональной роли ученого-эксперта и,

---

⁶ A.Kaplan. The Conduct of Inquiry. P.328.

следовательно, для увеличения профессиональной власти. Все эти соображения довольно справедливы, если принять исходное положение о том, что наука действительно претендует на “особые отношения” с абсолютной истиной. В действительности, однако, наука исторически отделилась от других типов знания (в частности, от астрологии и алхимии), именно признав, что абсолютных истин не существует и любое истинное (!) суждение может быть поставлено под сомнение в любой момент. В этом и заключается специфика научных объяснений, гарантирующая отличие научного знания от прочих: любое научное объяснение носит неокончательный, принципиально *фальсифицируемый*⁷, верный лишь в определенных границах, “в определенной степени” характер.

Существуют, однако, такие объяснения, которые сочетают в себе черты и научных, и семантических. Тот же А.Каплан, следуя уже устоявшейся в гуманитарных науках традиции, предложил называть их *интерпретациями*. По ряду причин, о которых мы еще будем говорить, интерпретации играют особую роль в социологии и родственных дисциплинах.

Часто научное и семантическое объяснение дополняют друг друга и в совокупности составляют интерпретацию. Можно также указать на некоторое количество “идеальных случаев”, когда они совпадают. С рассмотрения такого идеального случая мы и начнем анализ примеров. Существует обширный класс теоретических моделей, которые называют моделями “рационального деятеля”. Они используются и в теории игр (например, при моделировании поведения шахматных игроков), и в экономике, где предполагается, что поступками экономических агентов руководят исключительно

---

⁷ Т.е. позволяющий сформулировать осмысленное отрицание. Абсолютно бессмысленными, в свою очередь, могут быть лишь отрицания трюизмов, т.е. банально истинных высказываний. (Например, “Мужик - он всегда мужик” - это трюизм, не подлежащий научному опровержению).

рациональные соображения максимизации выгоды и минимизации затрат, и в некоторых социологических теориях. Во всех этих моделях принимается следующая предпосылка: и вовлеченный в изучаемую ситуацию участник, и наблюдатель-социолог одинаково ответили бы на вопрос о смысле происходящего. Объяснение смысла своих поступков участником ситуации включало бы ссылки на осознаваемые (по крайней мере, в принципе) мотивы и цели действий, а также на правила, регулирующие поведение в заданной ситуации - игры в шахматы, покупки недвижимости и т.п. Социолог описал бы происходящее, возможно, более формальным и насыщенным общими понятиями языком, но при этом его объяснение не содержало бы ссылок на какие-то иные, неочевидные для самого участника факторы и механизмы. И, следовательно, никаких принципиальных различий между семантическим объяснением действующего лица и научным объяснением социолога - помимо указанных различий в уровне общности понятий, - не существовало бы. Именно так представляют себе суть любого хорошего объяснения самые радикальные из представителей *интерпретативного подхода* в методологии социальных наук: всякое теоретическое объяснение в социологии должно, в конечном счете, поддаваться переводу на “семантический” язык, быть открытым для понимания его обычными людьми, непосредственно вовлеченными в изучаемую социальную реальность. Позднее мы будем обсуждать слабости интерпретативного подхода более детально, а сейчас ограничимся лишь несколькими иллюстрациями *принципиальной недостаточности интерпретаций для объяснения поведения.*

Нередко важные особенности внешнего окружения, в котором совершаются поступки, или даже особенности внутреннего состояния действующего оказываются за пределами осознания последнего. Даже повседневный опыт подсказывает нам, что выбор хода в шахматах часто необъясним с точки зрения самого игрока и основан на своего рода

смутной интуиции. Во многих житейских ситуациях мы также склонны объяснять поступки людей неосознаваемыми мотивами. Более того, идеи психоаналитической теории так прочно укоренились в повседневности, что мы легко допускаем наличие “бессознательного расчета” в некоторых поступках - вспышках гнева, обострениях психосоматических заболеваний, оговорках, - хотя еще в прошлом веке идеи непреднамеренной расчетливости и неосознаваемого стремления к выгоде воспринимались как абсурдные и даже безнравственные⁸. “Научной” иллюстрацией недостаточности сугубо семантической интерпретации поведения могут служить психологические эксперименты с “ложной обратной связью”. Например, испытуемый, которому говорят, что во время рассматривания женских фотографий он с помощью специальных наушников будет слышать биение собственного пульса, якобы отражающего его эмоциональное состояние (хотя на самом деле слышать он будет заранее записанные и лишённые всякого смысла ритмические шумы), с большой вероятностью будет утверждать, что ему кажутся более привлекательными те девушки, изображения которых он рассматривал в моменты особенно сильных и учащенных “пульсаций”. И хотя самоотчет испытуемого о том, как он интерпретировал происходившие события, абсолютно незаменим для анализа результатов, осмысленное объяснение всей ситуации в целом требует знакомства с планом эксперимента, составленным психологом.

Однако научные объяснения в социологии и науках о поведении также могут оказаться **неадекватными**, если в них игнорируется интерпретация событий “с точки зрения участников”. Именно в попытке обойтись без субъективных интерпретаций состояла

---

⁸ Причина последнего заключается в том, что отождествление *интенциональности*, т.е. целенаправленности и осмысленности деятельности, и ее *осознанности* служило фундаментом классических концепций моральной ответственности личности. В самом деле, как можно обвинять человека даже в очень низком и расчетливом поступке, если он действовал бессознательно?

основная ошибка “позитивистских” подходов, предлагавших использовать в науках о человеке те же модели объяснения и эмпирического подтверждения, которые используются в естественных науках. В дальнейшем мы проанализируем эти подходы подробнее, но сейчас нам необходимо отметить одну особенность социальных наук, позволяющую понять, почему хорошее объяснение в этих науках *необходимо* каким-то образом соотносить с интерпретациями и семантическими объяснениями участников. В социальных науках довольно часто истинное объяснение оказывается иррелевантным, т.е. просто не относящимся к делу в исследуемом случае (существование истинных иррелевантных объяснений и создает *проблему неадекватности* объяснений). Сразу заметим, что нечто подобное случается и в физике или химии. Но там объяснению обычно подлежат результаты специально сконструированных экспериментов, в которых *влияния “посторонних” причин тщательно исключаются или уравниваются*. Социальные науки (как, впрочем, и биология или метеорология) часто объясняют, или пытаются объяснить, реальные сложные события, в которых один и тот же результат может быть вызван несколькими *различными* причинами. Описанное явление называют *множественной реализуемостью*. Так, например, прекращение трансляции телепередач может быть вызвано и механической поломкой антенны, и захватом телецентра революционно настроенными массами, и электромагнитными аномалиями. Психолог может объяснить явление предпочтения красного цвета испытуемым повышенной потребностью в самореализации, однако это вполне правдоподобное и основанное на известных науке закономерностях объяснение окажется иррелевантным, если сам испытуемый объяснит, что в его случае любовь к красному связана с тем, что таким был цвет любимого маминого платья. При анализе сложных социальных процессов интерпретации, предлагаемые их участниками,

нередко играют решающую роль при выборе одной релевантной и объясняющей суть происходящего закономерности среди множества верных, но к делу не относящихся.

Часто говорят, что настоящее объяснение должно быть чем-то большим, чем простое **описание**. Предполагается, что описание, в отличие от объяснения, не содержит никаких отсылок к причинам, механизмам или законам, поясняющим, почему нечто происходит. В действительности многие описания являются своеобразными “свернутыми” объяснениями. Отвечая на вопрос: “Что это?”, мы в таких случаях неявно ссылаемся на уже известные собеседнику причинные связи, нормы или обычаи. Когда, например, мы отвечаем: “Это - очередь в буфет”, мы надеемся на то, что собеседник знаком с таким человеческим установлением, как *организация распределенного во времени справедливого доступа к ограниченному ресурсу по принципу “раньше пришел - раньше получил”*. Если же наш собеседник даже не слышал о существовании очередей, мы от свернутого “ярлычка”- описания (“Это - очередь”) перейдем к объяснению, отличающемуся от научного лишь не столь высоким уровнем обобщения и отсутствием специальных терминов. С другой стороны, научное объяснение также может отсылать нас к описанию некоторой “картинки”. В отличие от “картинок” повседневной жизни, научная будет включать в себя “идеальные объекты”, специально сконструированные учеными и не входящие в круг обычных житейских представлений (такие как, например, “социальная стратификация” или “абсолютный вакуум”). Так школьный учитель физики, вводя понятие абсолютной температуры и объясняя, как последняя связана с объемом газа (закон Гей-Люссака), рисует идеализированную картину хаотического движения газовых молекул, прекращающегося при достижении -273°C . Иными словами, объяснение отличается от простого описания не столько тем, **что** говорится, сколько обобщенностью и явным включением объясняемого события (поведения) в более широкий контекст

повседневного либо научного “запаса знаний” (последний термин принадлежит А.Шюцу).

II Натурализм

Тема 4: Позитивизм и дедуктивно-номологическая модель объяснения.

Возможны ли охватывающие законы в социальных науках? Пример:

натуралистская модель рационального действия.

Термин “позитивизм” давно утратил строгое значение, так как под ним понимают множество различных вещей: тезис единства метода как таковой; натурализм в социальной философии; идеал позитивной науки, основанной на эмпирическом наблюдении; индуктивизм в теории познания; логический эмпиризм (П.Хафпенни). Особую роль в философии социальных наук сыграли натурализм (т.е. позитивизм как тезис единства метода), а также философская доктрина логического позитивизма. Эти две разновидности позитивизма составили “устойчивое ядро” натуралистских моделей объяснения в социологии, и по этой причине, как уже говорилось, они употребляются в качестве синонимов.

Развитие формальной логики отношений, кульминацией которого стал выход “*Principia Mathematica*” А.Уайтхеда и Б.Рассела (1910-1913), позволило рассматривать выраженную в алгебраической форме логику как *универсальный и свободный от контекста язык пропозициональных переменных*. Язык логики - это совокупность синтаксических правил, позволяющий исчислять истинность составных переменных, исходя из истинности либо ложности составляющих их элементарных пропозиций. Исходя из этого, логический позитивизм Венского кружка выдвинул тезис о том, что реальная задача философии науки заключается в логическом анализе языка науки. (Заметим, что единство логического языка в этом случае становится дополнительной гарантией единства научного метода.) В частности, предполагалось, что философские проблемы социальных наук могут быть разрешены посредством их перевода на язык формальной логики, т.е. язык отношений между пропозициями. Логический анализ языка науки приведет к устранению “метафизических” высказываний и вычленению эмпирически проверяемого содержания научного знания.

Проект эпистемологической реформы, предложенный в работах логических позитивистов, стал объектом весьма острой полемики. Самые сильные аргументы и поправки были сформулированы преимущественно теми философами и логиками, которые сами испытали некоторое воздействие идей кружка. Наиболее уязвимыми точками логико-позитивистского проекта стали проблемы **редукции, демаркации теоретических и обсервационных высказываний, атомизма, верификации**.

Однако радикальный логицизм “венцев” позволил преодолеть главное препятствие, стоявшее на пути классических “позитивизмов”, философской основой которых служил эмпиризм Юма. Логический эмпиризм позволил создать последовательную

логическую доктрину *теоретического объяснения* в науке. Такой доктриной стала *дедуктивно-номологическая модель объяснения*, или *модель охватывающего закона*.

Эта доктрина предполагает, что основная особенность научных объяснений, отличающая их от описаний и семантических объяснений, заключается в том, что основу научных объяснений составляют **общие законы**. Первая формальная логическая модель, описывавшая роль общих законов в историческом объяснении и предсказании, была предложена К.Гемпелем (К.Гемпель, 1942; Гемпель и Оппенхайм, 1948). Дедуктивно-номологическая модель Гемпеля стала самым большим успехом натуралистского подхода к социальным и гуманитарным наукам во второй половине XX века. Концептуальным ядром этой модели являются три основных тезиса:

1) объяснение и предсказание симметричны;

2) общие законы, в конечном счете, являются каузальными высказываниями, т.е. описывают причинную связь между событиями;

3) хорошее объяснение и в естественных, и в социальных науках соответствует трем нормативно-логическим критериям оценки:

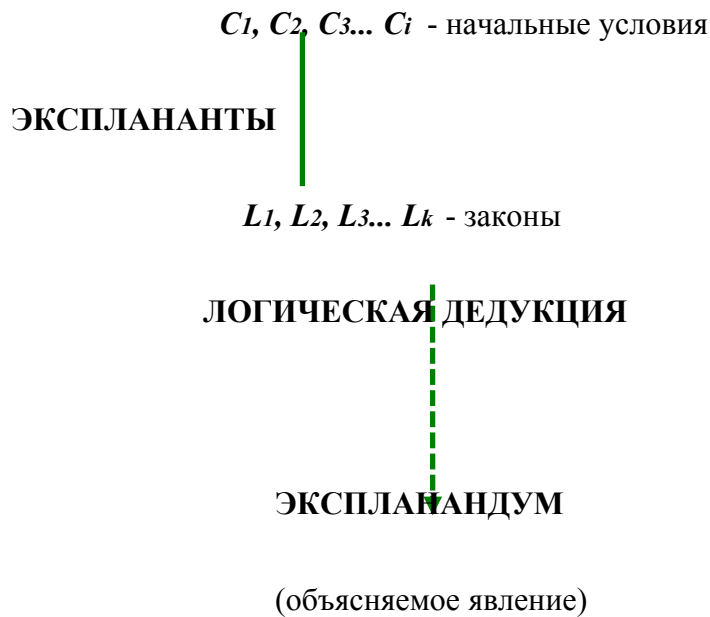
- экспланандум (то, что подлежит объяснению) может быть логически выведен из экспланантов (объясняющих высказываний);

- в число экспланантов входит правдоподобный общий закон, из которого экспланандум выводится с логической необходимостью;

- эксплананты должны удовлетворять критерию эмпирической проверяемости.

В модели Гемпеля в число экспланантов входят *общие законы*, “охватывающие” подлежащие объяснению явления, и *посылки, описывающие начальные условия* (антецеденты) объясняемых событий.

Рис.1

Гемпель утверждал, что его модель в равной мере применима к естественным наукам и наукам о человеке и обществе.

Критики Гемпеля, принадлежавшие к *антинатуралистскому* лагерю (особенно У.Дрей, М.Мандельбаум), немедленно указали на то, что в истории и социологии широко используется модель теоретического объяснения, которая, по их мнению, не может быть описана с позиций формальной модели охватывающего закона. Речь шла о *модели рационального действия*, в которой поступки действующих объясняются *целями*, которых они стремятся достичь. К моделям рационального действия относятся и объяснения действий как “следования нормам”, и модели рационального выбора, в которых деятель осуществляет выбор между альтернативными способами действия, исходя из принципа максимизации полезности (теория рационального выбора)⁹.

⁹ Модели рационального действия (или “рационального деятеля”), в свою очередь, являются подклассом моделей интенционального действия. К последним относятся и все теоретические объяснения, содержащие ссылки на субъективные основания действия

В ответ на критику Гемпель показал, что само понятие “рациональности” в исторических и социологических объяснениях является нормативно-логическим, указывая, по сути, лишь на степень соответствия действий требованиям некоторой нормативной системы (содержательно эта нормативная система может быть и моральной доктриной, и совокупностью правил расчета “рентабельности”), и, следовательно, объяснения действий как разумных или рациональных не являются *эмпирическими законами*¹⁰. Понятие “рациональности” приобретает объяснительную силу, лишь будучи истолкованным в качестве *диспозиции, предрасположенности поступать определенным образом*. Иными словами, никакие обоснованные утверждения сами по себе не обладают побудительной силой, способностью непосредственно мотивировать действие (например, убежденность в том, что курить - вредно, в принципе совместима с приверженностью вредной привычке; обычно предполагается, что практическая реализация убеждения, помимо “голой” идеи, требует установки, мотива, волевого усилия и т.п.). Гемпель утверждает, что *рациональность как диспозиция* может быть включена в дедуктивно-номологическое объяснение, т.е. объяснения, включающие в себя ссылки на соответствие поведения индивида (или группы) его разумным убеждениям и желаниям, представляют собой специальный случай модели охватывающего закона. Адекватное объяснение рационального действия, с точки зрения Гемпеля, должно соответствовать следующей логической схеме (“схеме R”):

(1) Деятель А находился в ситуации типа С.

(убеждения и желания), намерения, диспозиции действующего. Интенционалистским моделям действия противостоят, как мы увидим позднее, бихевиористские модели действия.

¹⁰ С другой стороны, оппоненты Гемпеля неоднократно и справедливо указывали на то обстоятельство, что вне соотнесения с таким стандартом рациональности просто невозможно эмпирически отличить социальные действия от физических “поступков” (в ответ на это его сторонники неоднократно указывали, что этот аргумент обнаруживает лишь “семантический” и основанный на тавтологии характер такого различения).

(2) А являлся рационально действующим агентом.

(3) В ситуации типа С любой рациональный агент делает X.

Следовательно, А сделал X.

Схема Гемпеля, однако, требует принятия нескольких дополнительных предпосылок: а) о существовании конечного множества известных действующему исходов действия (И₁, И₂ ...), для которых определены взаимнооднозначно заданные способы действия (X₁, X₂ ...); б) о том, что у деятеля существует определенная иерархия предпочтений для возможных исходов; в) о том, что действующий предрасположен (имеет диспозицию) действовать, основываясь на конкретном критерии практической рациональности, максимизации полезности и т.п.

Гемпелевская реконструкция рационального объяснения действия охватывает множество реальных объяснений субъективно мотивированных (т.е. основанных на убеждениях и желаниях) поступков. Однако при более углубленном анализе становится очевидным, что и “схема R”, и ее предпосылки весьма уязвимы для критики. В сумме, основные контраргументы выглядят следующим образом:

- в самой схеме, с учетом перечисленных предположений, посылка (3), которая, по сути, и представляет собой *общий закон*¹¹ (по определению подлежащий проверке и являющий собой эмпирическую генерализацию), в действительности выводится из исходных условий (1) и (2) чисто логически, т.е. является *аналитической истиной*, тривиально верной без всяких эмпирических доказательств, если первые две посылки верны;

- так как набор исходов и предпочтений меняется от ситуации С1 к ситуации С2 и от деятеля к деятелю, общий закон в “схеме R” будет общим лишь *ceteris paribus*, т.е. “при прочих равных” (“При условии, что возможные исходы одинаковы и вероятности разных исходов одинаково распределены, а также при условии одинаковой иерархии предпочтений у действующих...”). Иными словами, общность закона окажется обратно пропорциональной его правдоподобию;

- схема Гемпеля применима лишь к ситуациям, когда критерий рациональности может быть задан явно и однозначно (игры с известными исходами, элементарные операции экономического обмена);

- даже в последнем случае невозможно определить *объективный*, не зависящий от субъекта критерий рациональности.

Если первые три возражения лишь накладывают ограничения на степень общности и эмпирическую проверяемость модели объяснения Гемпеля, то последнее представляет собой решающий контраргумент не только относительно “схемы R” (которая, по сути, является лишь логической формализацией любого исторического или социологического объяснения целерационального действия), но и относительно любой *интенционалистской* модели объяснения действия, содержащей ссылки на мотивы, интересы, намерения действующего, **не исключая** и те модели следования долгу, нормам, культурному образцу, которые поддерживают антинатуралистские критики Гемпеля. Речь здесь идет о том, что *невозможно задать объективный критерий для приписывания субъектам интенциональных состояний* (Д.Дэйвидсон, А.Розенберг и другие участники дискуссии о “психической причинности”). Даже если принять единый критерий рациональности, то, например, если (1) “А думает, что Б умнее А” и

---

¹¹ Замена общего закона *вероятностной* закономерностью в данном случае не устраняет

(2) “Б думает, что Б умнее А”, рациональные способы действия для А и Б - включая разумные цели и желания, - будут различны или даже противоположны. (Эти “антименталистские” аргументы могут быть распространены, как мы еще увидим, и на интерпретативные и функционалистские объяснения.)

Применение модели рационального действия к *макросоциологическим агентам* (группам и институтам) ведет к некоторым дополнительным трудностям, связанным с невозможностью задать “разумный” групповой критерий рациональности, **равно** отражающий предпочтения или интересы отдельных членов группы (в социологической теории эти трудности проявляются, в частности, в спорах вокруг проблемы “общественного выбора”¹²; известна также иррациональность массового политического поведения вообще и голосования в частности).

Можно, однако, предположить, что неудачи, с которыми сталкивается модель “охватывающего закона” при попытке объяснить рациональное человеческое действие, связаны не столько с роковыми слабостями *натуралистской* исследовательской программы, сколько с недостаточно “обязывающим”, и к тому же чрезмерно описательным, характером понятий *рациональности* и *рационального действия*. Действительно, большая часть критических аргументов, относящихся к “схеме R”, так или иначе адресуется к этим понятиям. У натурализма, таким образом, остается еще одна возможность - отказ от рациональности и интенционального субъекта и создание модели, объясняющей не столько *действующих*, сколько *действия*. Эта альтернативная

проблему.

¹² Коллективное действие будет рациональным и максимизирующим общественную пользу лишь в том случае, если отдельные члены группы ведут себя не вполне целерационально, т.е. не пытаются максимизировать собственную прибыль, превратившись в “паразитов”, которые живут за счет других членов группы (Олсон). Примирить индивидуальный и коллективный критерии рациональности возможно лишь при введении некой условной “диктатуры”.

модель натуралистского социологического объяснения воплощена в уникальной исследовательской программе *социального бихевиоризма*.

Тема 5: Бихевиоризм и альтернативная программа натуралистского объяснения действия.

Бихевиоризм зародился в конце XIX века как одна из “классических школ” психологии. Американский психолог Э.Торндайк первым стал исследовать процессы научения у животных. Для этого он использовал строгий экспериментальный план с независимой переменной (подкрепление - отсутствие подкрепления) и специальное устройство - “проблемный ящик”, - позволявшее изолировать воздействие внешнего стимула и однозначно фиксировать и подкреплять успешные реакции животных. Торндайк пришел к выводу, что животные обучаются методом “проб и ошибок”, т.е. *основой систематического и целенаправленного* (относительно **внешнего**, заданного психологом-наблюдателем критерия) *изменения поведения являются случайные действия*. Отбор целесообразных реакций происходит благодаря их подкреплению, т.е. успешная реакция имеет большую вероятность последующего воспроизведения (“закон эффекта”); кроме того, если при одновременном воздействии раздражителей один вызывает реакцию, то другие также приобретают способность вызывать ту же реакцию (“закон ассоциативного сдвига”). Описанные механизмы изменения поведения в существенных чертах воспроизводили дарвиновскую эволюционную парадигму, но уже на индивидуальном (онтогенетическом) уровне.

Учение Павлова об условных рефлексах и предложенные им аппаратные методы изучения поведения также стали существенной частью того интеллектуального контекста, в котором формировалась исследовательская программа бихевиоризма.

Основные методологические принципы бихевиоризма были сформулированы Дж.Б.Уотсоном (второе десятилетие нашего века) применительно к психологии:

- психология должна изучать и объяснять поведение как совокупность наблюдаемых реакций, детерминированных стимулами внешней среды;
- использование объективного метода и объяснительных моделей естественных наук требует радикального отказа от менталистской терминологии и от поиска “конечных причин” поведения в сознании субъекта;
- описания поведения должны быть переведены с языка гипотетических сущностей сознания на язык эмпирически наблюдаемых реакций и стимулов.

Уотсон изгнал из психологии не только намерения, мотивы и образы, но и любые отсылки к нейрофизиологическому субстрату поведения, считая, что предположения о физиологических механизмах так же избыточны для поведенческих наук, как и менталистские гипотезы.

Однако наибольшее влияние на формирование современных бихевиористских моделей объяснения в социальных науках оказали взгляды Б.Ф.Скиннера. Скиннер попытался защитить натуралистскую версию анализа человеческого поведения, подвергнув последовательной критике все социологические и социально-философские теории действия, основанные на концепции “автономного человека” (“По ту сторону свободы и достоинства”, 1971; “Размышления о бихевиоризме и обществе”, 1978). Скиннер полагает, что критики бихевиористской программы исходят из ошибочной трактовки гуманизма как самодостаточного индивидуализма. Последний, в конечном счете, основан на противопоставлении свободы и достоинства человека как факта и ценности

детерминизму и натурализму “науки о поведении”. Скиннер утверждает, что традиционные трактовки свободы действия¹³ отличаются от бихевиористской лишь тем, что включают в детерминационный ряд внутренние состояния человека, а не реальные обстоятельства окружения, т.е. “контингенции подкреплений”. С его точки зрения и позитивистская парадигма, ориентированная на “социальные факты”, и социальный конструкционизм, сводящий социальное к определениям ситуации “с точки зрения действующего”, занимаются анализом теоретических фикций, тогда как реальными объектами изучения социальных наук должны стать исходные условия (антецеденты) поведения, само поведение и его последствия. Оперантная концепция действия, выдвинутая Скиннером, основана на идее *рекурсивной взаимообусловленности поведения и окружения*. Активные действия “организма” вызывают изменения “внешнего окружения”, причем указанные изменения оказывают обратное воздействие на “организм”, увеличивая или уменьшая вероятность воспроизведения вызвавших эти изменения поведенческих реакций (*оперантов*)¹⁴. Бихевиористская теория действия отнюдь не постулирует, как иногда утверждают, что человеческая деятельность может быть описана как сугубо рефлекторная и лишенная интенционального содержания. Постулат, радикально отличающий бихевиористскую модель объяснения от рационалистской (и шире - интенционалистской), может быть сформулирован довольно просто: *отношение действия к его исходу (результату) является случайным*. “Добихевиористские” теории действия, согласно Скиннеру, исходили из предположения о том, что внутренние (ментальные) антецеденты действия

---

¹³ В философских дискуссиях о свободе воли жесткому детерминизму противостоит так называемая либертарианская позиция. В упрощенной формулировке либертарианская концепция свободы воли может быть определена как *действительная способность поступить иначе в одной и той же ситуации, т.е. при неизменности как убеждений и желаний действующего, так и внешних условий*. В социологии “детерминистским” теориям действия противостоят “волютаристские”.

имеют какое-то отношение к “свободе воли”. Иными словами, психические причины получали некое моральное преимущество в сравнении с “внешними окружениями” действия. Однако ценой морального комфорта, достигаемого таким путем, является **невозможность объяснить** или **предсказать** реальное поведение с помощью отсылок к желаниям и убеждениям невидимого “внутреннего человека”, так как такого рода отсылки лишь **описывают** поведение в других терминах (“Я поехал в Париж, потому что хотел поехать в Париж”)¹⁵. Кроме того, неясно, чем внутренние детерминанты действия превосходят внешние, персонализированные в неких “Контролерах”. Более того, децентрализованные и безличные формы контроля со стороны “окружения” - являющегося, в значительной мере, непреднамеренным результатом предыдущих поступков людей, - представляют значительно большую угрозу индивидуальной свободе, чем очевидные формы принуждения.

Скиннеровская версия бихевиористского объяснения говорит в большей мере о детерминированности (и свободе) действий, а не деятелей¹⁶. Несколько иная модель бихевиористского объяснения в социологии была предложена Дж.К.Хомансом. Для подхода, предложенного Хомансом, характерны (в порядке убывания значимости):

- приверженность тезису единства метода и дедуктивно-номологической модели объяснения (см.: Рис.1);
- редукционизм;
- методологический индивидуализм (номинализм).

---

¹⁴ Таким образом, понятие “подкрепления” удастся определить без обращения к телеологии, а именно - как специфические (непредвиденные) последствия поведения, влияющие на частоту его воспроизведения.

¹⁵ См. сноску №28, где более строго определяется аргумент “Логической связи”.

¹⁶ Интересны, однако, те возможности для примирения жесткого детерминизма и личной моральной ответственности, которые открывает подобная модель “человеческой деятельности без действующего субъекта”. Поскольку следование долгу больше не подкрепляется позитивными или аверсивными формами контроля, моральный выбор оказывается, строго говоря, свободным (С.Смелянски).

Хоманс подверг критике социологический реализм, восходящий к методологической позиции Дюркгейма. Не отрицая, что человеческое взаимодействие ведет (уже по определению) к возникновению новых, собственно социальных явлений, Хоманс утверждает, что для **объяснения** этого взаимодействия не требуется вводить какие-нибудь новые пропозиции, принципиально отличающиеся от пропозиций, описывающих индивидуальное поведение. Отсюда следует редукционизм Хоманса: то, что, по мнению Дюркгейма, может быть объяснено только социологией, для Хоманса поддается сведению к фундаментальным принципам психологии. Кроме того, недостаточно объяснить социальный факт, указав на другой социальный факт, послуживший причиной первого. Следует специфицировать *конкретный механизм*, связывающий причину и результат. Такой механизм всегда реализуется через поведение отдельных людей и, следовательно, по необходимости будет *психологическим*. Индивидуальные поведенческие реакции, по Хомансу, являются *универсальными психологическими посредниками* между социальными фактами.

Если Скиннер оставляет открытым вопрос о детерминированности или, напротив, интенциональной нейтральности тех “социальных окружений”, которые подкрепляют действие, Хоманс явно формулирует ключевую для современной социальной теории проблему перехода от *индивидуального действия* к широкомасштабной *социальной структуре* (и обратно). Решение этой проблемы, по мнению Хоманса, может быть получено при использовании *дедуктивно-номологической модели объяснения и редукции макросоциального к фундаментальным законоподобным пропозициям, относящимся к уровню поведенческой психологии*. Примером “психологической экспликации” институциональных изменений¹⁷ может служить, в частности,

---

¹⁷ Отсутствие такой “психологической экспликации” целей и действий отдельных агентов - основной аргумент в многолетней полемике Хоманса против функционалистского теоретизирования в стиле Парсонса (оба были коллегами по факультету в Гарварде). Хотя аргументы Хоманса могут быть легко отражены уже с позиций мертоновской ревизии

осуществленный Хомансом анализ процесса распространения машинного производства в английской текстильной промышленности XVIII века.

Хоманс предпринял попытку последовательно вывести закономерности социального взаимодействия на *субинституциональном* уровне (т.е. на уровне преимущественно межличностного или межгруппового взаимодействия), применяя закономерности бихевиористской психологии к специфической ситуации, когда основным источником вознаграждений - т.е. конкретным “социальным окружением” - становится другой человек (или группа). Эта попытка потребовала такого обобщения бихевиористской концепции “подкрепления”, которое сделало бы ее применимой к элементарной ситуации взаимодействия между “Личностью” и “Другим”, когда участники “подкрепляют” друг друга не только материальными, но и социальными благами, в том числе похвалой, вниманием, деньгами, услугами (известность приобрел приведенный Хомансом шуточный пример: психолог подкрепляет голубя пищей, а голубь психолога - ожидаемыми результатами эксперимента). Так как необходимые для такого обобщения понятия *полезности, издержек, прибыли* были позаимствованы из классической экономической теории, та исследовательская программа, которая возникла на основе, заложенной работами Хоманса, получила название *теории обмена*. В самых разных модификациях теоретики обмена используют натуралистскую, дедуктивно-номологическую модель объяснения, трактуя рациональность как *максимизацию полезности*.

структурного функционализма, исторически они сыграли заметную роль в тематизации спора о деятельности и структуре.

III Функционализм

Тема 6: Мотивы, цели и функции. Типы функциональных объяснений.

Классический функционализм и “незаконная” телеология. Пример: функционалистская теория социальной стратификации.

Обсуждая понятие “интерпретации”, мы отмечали особую роль этого типа объяснения в социологии. Описание рационального действия, как мы убедились, неизбежно содержит ссылку на цели, определяемые “с точки зрения действующего лица”. Модели объяснения, используемые в технике или биологических науках, также нередко отсылают нас к понятию **цели**, хотя здесь цель не обязательно является “осознаваемой целью” какого-то конкретного индивидуального агента. В социологии также иногда используют “целевые” объяснения, не подпадающие под описанные выше схемы интенционального, субъективно мотивированного действия отдельной личности. Такие объяснения и называют *функциональными*. Функциональные объяснения часто относятся к “выживанию” и воспроизводству обществ, культур или социальных институтов. Однако можно найти и другие примеры функциональных объяснений, относящиеся к процессам, которые происходят на микросоциальном и даже индивидуальном уровне. Таковы, в частности, психоаналитические объяснения, опирающиеся на концепцию бессознательных мотивов.

Функциональные объяснения в социологии, таким образом, могут рассматриваться как один из типов *телеологических* объяснений, в которых некие события или действия

становятся понятны посредством соотнесения с их последствиями, ожидаемыми в будущем.

В современной социологии под функционализмом обычно (но не обязательно) понимают *структурный функционализм*, изучающий функциональные возможности социальных структур, и - наоборот - структурную реализацию определенных функций социальной системы.

Исторически, однако, исследовательская программа функционализма восходит к *органицизму* и так наз. “биологической метафоре” общества.

Интеллектуальные корни функционализма можно обнаружить во взглядах “отцов-основателей” социологии - Конта (органицизм в трактовке общества), Спенсера (различение структуры и функции; закон прогрессирующей дифференциации; избирательное выживание как механизм отбора), Дюркгейма (проблема социетальной интеграции).

Помимо классического, выделяют другие *типы функционализма* (М.Абрамсон):

- индивидуалистский функционализм, характерный для традиционной культурной антропологии и ориентированный на анализ того, как социальные институты и культуры удовлетворяют потребности индивидуального деятеля (Б.Малиновский);

- межличностный (точнее - внутригрупповой) функционализм, также характерный для ранней культурной антропологии (А.Рэдклифф-Браун), стремившейся продемонстрировать функциональность тех обычаев и установлений, которые могли восприниматься как примитивные или пережиточные с некой “евроцентристской” точки зрения (акцент здесь делался на функциональность культурных ресурсов, систем родства и т.п. для выживания и интеграции группы);

-наконец, говорят о социетальном функционализме (П.Штомпка), относя к нему и современных классиков структурного функционализма (Т.Парсонс, Р.Мертон), и системных теоретиков.

Классический функционализм нередко критиковался за излишнюю “мягкость” критериев нормативной оценки научного объяснения, в частности - за приверженность “незаконной” телеологии, объясняющей существование неких институтов, культурных практик или структурных ограничений надличными целями общества или группы **без указания** на то, с помощью каких каузальных механизмов *социетальные цели* становятся *актуальными причинами* событий (структур, институтов и т.п.). Другая проблема функционалистских объяснения - тавтологический характер определения системного целого и составляющих его структурных частей: целое определяется через части, которые, в свою очередь, не получают независимого определения.

Примером классического функционалистского объяснения в социологии может служить теория социальной стратификации К.Дэйвиса и У.Мура (1945), в которой неравенство профессионального престижа и власти рассматривается в качестве “бессознательно используемого устройства”, с помощью которого общество рекрутирует индивидов для заполнения социальных позиций, требующих различных способностей и обучения. При этом предполагается, что высокий престиж и оплата - это своеобразная компенсация за выполнение нужных обществу, но обременительных и неприятных с точки зрения личности обязанностей. Хотя эта теория и отражает некоторые “народные” (не обязательно ошибочные) представления о справедливом вознаграждении профессиональных успехов, остается неясным, каким образом общество воспроизводит столь идеальное соответствие статусной структуры и структуры возможностей. Кроме того, довольно трудно обнаружить эмпирические

примеры существования обществ, где власть, престиж и деньги распределены в полном согласии с функциональной полезностью социальной позиции для общества в целом.

Тема 7: Структурный функционализм: теория или методология?

Примеры: анализ функций “политической машины” (Р.Мертон) и “демократического лидерства” в мужских военных союзах (М.Даглас).

Р.Мертон подверг критике каноническую версию функционализма, рассматривавшую общество как целерациональную саморегулирующуюся систему, показав трудности, к которым ведет принятие этой модели объяснения (“Явные и латентные функции”, 1939). Кроме того, он попытался обосновать новую, радикально пересмотренную модель (“парадигму”) структурно-функционального объяснения.

В центре осуществленного Мертоном критического пересмотра оказались три сомнительных постулата (“метатеоретических” гипотезы):

1. Постулат *функционального единства общества*. По мнению Мертона, нельзя принимать в качестве аксиоматического допущение о высокой степени интеграции социальной системы. Во-первых, реальные общества попросту не могут рассматриваться в качестве идеально интегрированных и слаженно функционирующих систем; во-вторых, вопрос о степени, а также формах и механизмах интеграции следует изучать сугубо эмпирически. Постулат функционального единства можно сохранить лишь в качестве *метода изучения непреднамеренных последствий человеческого поведения*, и все реальные результаты функционального анализа в культурной антропологии и социологии связаны как раз с изучением того, **каким образом** устойчиво воспроизводятся культурные и социальные практики, в которых

обнаруживается “непредустановленная гармония” между целями конкретного деятеля, последствиями его действий и объективными потребностями выживания социальной системы. Именно здесь Мертон вводит различие *явных* и *латентных* функций, открывающее возможность перехода от акционистской к структурной перспективе. При более строгом подходе явная функция - т.е. объективный результат поступка, намеренно запланированный и признаваемый в качестве такового действующим, - полностью описывается рассмотренной выше моделью целерационального действия. Иными словами, явные функции ничем не отличаются от мотивов и целей и, следовательно, не требуют введения в социологию *сильных* версий функционального объяснения, подобных тем, которые используются в биологии. Сильное функционалистское объяснение в социальных науках применимо, прежде всего, к *латентным функциям* - непризнанным и непреднамеренным последствиям деятельности.

2. *Универсальный функционализм* - еще одна мишень мертоновской критики. Под этим подразумевается характерная для ранних версий функционализма тенденция любое подразделение социальной системы, любую культурную практику как “полезные” для системы в целом. Как и в случае постулата функционального единства, Мертон отвергает “онтологическое” понимание универсального функционализма, сведя статус последнего к своего рода эвристическому приему, позволяющему оценивать “чистый баланс” функциональных и дисфункциональных последствий действия.

3. Наконец, Мертон подверг анализу третий неявный постулат радикального функционализма - *постулат необходимости*. В самом общем виде последний сводится к утверждению о том, что любой конкретный социальный институт, обычай и т.п. необходим для удовлетворения существенной потребности системы. Это утверждение содержит в себе два взаимосвязанных предположения: а) о существовании базисных

потребностей (функционального реквизита) социальных систем, т.е. условий “выживания” и сохранения социального порядка; б) о незаменимости определенных структур в качестве такого реквизита. Как и Парсонс, Мертон склонен согласиться с первым из этих предположений, но полагает, что задача установления функционального реквизита разрешима путем эмпирического исследования, а не чистого умозрения (как в случае парсоновской системы универсальных реквизитов). Второе из предположений Мертон решительно отвергает, предлагая взамен постулат *множественности структурных альтернатив*, реализующих некую функцию.

В обобщенном виде логическая *схема сильного функционалистского объяснения* выглядит следующим образом¹⁸:

1. Y - результат действия X.
2. Y благоприятно для Z.
3. Z не является целью действий, производящих X.
4. Причинная связь между X и Y, либо само существование Y, не признаны агентами, участвующими в Z.
5. Y поддерживает существование X посредством “петли обратной связи”, проходящей через Z.

Примером функционалистского объяснения, полностью соответствующего описанной схеме, может служить мертоновское объяснение функций политического рэкета (“боссизма”) в американской теневой политике: “боссизм” (Y) не является целью разделения властей и децентрализации политической системы в Америке (X), однако на локальном уровне позволяет добиться эффективной интеграции “разбросанных сегментов власти” и, следовательно, позволяет решать частные проблемы конкретных

---

¹⁸Основываясь на работе Мертона, это обобщение осуществили А.Стинчком (1968) и Й.Элстер (1983): A.Stinchcomb. *Constructing Social Theories*. New York: Harcourt, Brace & World, 1968. P.82-83; Elster, J. *Explaining Technical Change: a Case Study in the Philosophy of Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

меньшинств (Z); противоречия в интересах названных локальных меньшинств создают заинтересованность в множественности агентов власти, т.е. существует “петля” обратного влияния политического рэкета на сохранение децентрализованного характера политической системы.

Другой пример корректного функционалистского объяснения - это осуществленный М.Даглас анализ феномена “слабого лидерства” в мужских охотничьих и военных союзах (“бандах”). Это явление описано культурными антропологами, изучавшими многие примитивные культуры бассейна Амазонки, Австралии, о. Борнео и других экзотических мест. (Иррегулярные военные формирования, возникающие в ходе некоторых современных войн, также обычно имеют весьма гибкую и слабую систему руководства. Для них характерны периодические совещания между “полевыми командирами”, коллективное принятие стратегических целей, возможность отказа от членства в группе и т.п.) В таких союзах членство обычно является добровольным, каждый индивид может принимать решение о присоединении к группе либо уходе из нее, основываясь на рациональном расчете баланса “издержек” на членство в группе (т.е. расходования индивидуальных ресурсов на групповые цели) и “прибыли”, получаемой в результате пребывания в группе и коллективной деятельности. Когда “издержки” начинают ощутимо превышать “прибыль”, угроза покинуть группу может использоваться отдельными участниками для торговли и переговоров с лидером. Так более слабые члены группы противостоят попыткам принудить их к увеличению индивидуального вклада в общее дело и даже обретают своеобразное “право вето” на некоторые решения более сильных, угрожая уходом (тогда как сильные и получающие большую “прибыль” заинтересованы в сохранении группы). В результате лидерство в

охотничьем или военном союзе становится “демократичным” и слабым, что и суммирует следующая схема функционального объяснения¹⁹:

1. Y (слабое лидерство) является результатом действия X (убедительной угрозы ухода из группы Z).
2. Y полезно для Z, так как дает индивидуальным членам группы (рационально максимизирующим полезность) возможность противостоять чрезмерным претензиям на их индивидуальные ресурсы.
3. Y (слабое лидерство) возникает непреднамеренно, его существование отвергается, а само оно обычно осуждается.
4. Воздействие X на Y не признается.
5. Посредством скрытой петли обратной связи²⁰ Y поддерживает существование X (тенденции угрожать уходом), так как слабое лидерство препятствует развитию механизмов жесткого принуждения в группе.

Мертоновская версия структурно-функционального объяснения также критиковалась, в первую очередь, за ослабление самого привлекательного из функционалистских принципов - объяснения “части через целое”, так как понятие функции в трактовке Мертона приобретает скорее дескриптивный характер. Кроме того, при отказе от незаконной телеологии - т.е. от спекулятивных предположений о внеличных и прожективных целях “сохранения порядка”, “саморегуляции общественного организма” и т.п., - говорить о функциональности, предпочтительности отдельных структур можно лишь тогда, когда описаны все возможные альтернативы наблюдаемой структуры (культурного образца). В ином случае функциональной оказывается любая устойчивая структура или социокультурная рубрика.

---

¹⁹ M.Douglas. How Institutions Think. Syracuse University Press, 1986. P.37-38.

²⁰ Эта обратная связь осуществляется через негативный отбор: выживают те группы, где угрозы ухода не реализуются слишком часто.

Тема 8: Логический функционализм: Т.Парсонс о структуре социального действия.

Для теории социального действия Т.Парсонса, впервые сформулированной во второй половине 1930-х гг. и - ввиду своего ключевого положения в парсоновской теоретической системе, - подвергавшейся позднее многократным уточнениям и дополнениям,

ключевыми являются две характеристики:

1. *Нормативный рационализм*, т.е. стремление построить модель объяснения действия, которая бы рассматривала желания и убеждения действующего в качестве реальных причин действия (подобно ранее обсуждавшимся натуралистским моделям рационального действия). Однако при этом, в отличие от утилитаристских теорий максимизации полезности, предполагаемая модель должна накладывать *социально-нормативные ограничения* на выбор наилучшего способа действия, позволяя, таким образом, гарантировать выполнение минимальных условий существования социального порядка.

2. *Логический функционализм* - рассмотрение *целей* индивидуальных (или институциональных) агентов социального действия в качестве *логически необходимых* условий существования определенных средств действия (или, соответственно, функций отдельных подсистем социального действия).

Здесь и далее нам потребуются определенная степень упрощения, неизбежная и полезная при анализе теоретических представлений Парсонса, заслуженно славящихся

запутанностью в сочетании с тяжеловесным стилем изложения. В первом приближении, под логическим функционализмом здесь понимается то обстоятельство, что исключительная важность целей в объяснении человеческого действия (в отличие от физических событий) в принципе может быть выведена не из “дурной телеологии”, а из самого определения социального действия: цель мотивированного поступка по определению оправдывает средства (а что же еще?). Эту же идею еще проще сформулировал один из критиков Парсонса: “Когда вы что-нибудь делаете, вы пытаетесь нечто сделать”²¹.

Определив “функцию” как логическое отношение способа действия к цели, Парсонс оказывается перед лицом необходимости указать на источник самой цели. На каждом уровне анализа таким источником оказываются потребности системы более высокого уровня (т.е. цели конкретной подсистемы всегда имеют “высшее” происхождение, гетерономны ей). Возникающую здесь очевидную угрозу асимптотического ухода иерархии целей в бесконечность все более глобальных систем Парсонс устраняет посредством своеобразного концептуального “замыкания”: постулируется, что *окружением* общей системы действия (т.е. более общей системой, по отношению к которой система действия может рассматриваться как подсистема), является конечная реальность “положения человека”, в которой укоренены и явно метафизические “предельные ценности”. Существование этих предельных ценностей не только смягчает остроту стоящей перед логическим функционализмом проблемы бесконечного ряда системных целей, но и становится решающим аргументом против отвергнутых Парсонсом “утилитаристских и позитивистских” моделей объяснения рационального действия, в которых, по его мнению, переоценивается мотивирующая

---

²¹ Social Theories of Talcott Parsons. / Black M., ed. Cornell University Press, 1958. P.279. Отметим, что с точки зрения этого критика (философа М.Блека) переформулировка основных постулатов Парсонса с помощью “простого английского языка” часто обнажает их тривиальный либо основанный на тавтологии характер.

роль материальных интересов и физического окружения действия. (Поэтому ведущий теоретик неофункционализма Дж.Александр определил систему Парсонса как “нормативный идеализм”²², а Р.Бирстедт пронизательно заметил, что почти весь круг ключевых для Парсонса тем очерчен уже в статье “Место предельных ценностей в социологической теории”, опубликованной еще в 1935 г.²³)

Система координат действия, по Парсонсу, включает в себя и субъективные “резоны” действующего, и нормы, существование которых ограничивает волюнтаризм выбора целей. В “Структуре социального действия” (1937) дана схема *единичного акта*, суммирующая *необходимые условия объяснения социального действия*. Единичный акт включает в себя следующие компоненты:

- агент, или действующий;
- цель, или “предполагаемое будущее положение дел”, поскольку оно релевантно системе координат действия;
- “ситуацию действия”, включающую в себя 1) “средства”, т.е. те элементы ситуации, которые действующий может контролировать, и 2) “условия”, находящиеся вне его контроля;
- “нормативную ориентацию”, ограничивающую выбор целей и средств, соответствующих данной ситуации.

Описанная модель, как полагает Парсонс, позволяет, во-первых, ввести в объяснение действия “точку зрения действующего”, так как последний самопроизвольно выбирает цели и средства. Во-вторых, появляется теоретическая возможность нормативной координации действий тех индивидуальных агентов, которые включены в коллективное действие и, следовательно, открывается перспектива решения одной из

---

²² Alexander, J. *Theoretical Logic in Sociology*. Vol.1. London: Routledge, 1982.

²³ Bierstedt, R. *American Sociological Theory: a Critical History*. New York: Academic Press, 1981. P. 396-398.

центральных социологических проблем - *проблемы порядка*, тогда как утилитаристские и бихевиористские модели действия (из-за присущих им, по мнению Парсонса, атомизма и индивидуализма) вынуждены в той или иной форме вводить в теории социального порядка факторы внешнего принуждения (т.е., в конечном счете, факторы “силы и обмана”).

Критики Парсонса неизменно подчеркивают то обстоятельство, что волюнтаризм Парсонса является скорее номинальным, и на деле оказывается своеобразной версией нормативного детерминизма (особенно в более поздних работах): из трех основных подсистем общей системы действия (*личностная система - социальная система - культурная система*²⁴) наименьшей концептуальной проработке подвергается личностная подсистема, личность оказывается своего рода фиксированной иерархией предпочтений, “потребностей-диспозиций”. Высший же уровень контроля реализует культурная система, представляющая собой не столько отдельную систему действия, сколько “третий мир” ценностей и норм, обеспечивающий, в конечном счете, и *интернализацию* деятелем нормативных давлений культуры (на уровне личностной системы), и *институциализацию* образцов (паттернов) взаимодействия в социальной системе.

Решает ли подход Парсонса проблему интерпретации, с которой столкнулась гемпелевская модель рационального действия (см. выше)? Процесс выбора целей в первой из названных моделей явно приобретает менее случайный и неопределенный характер, чем во второй, однако сомнительной становится сама возможность “выбора”. Иными словами, Парсонс объясняет “действие без действующего”, или даже действие, осуществляемое “рассудительным придурком”, свободно реализующим нормативные давления культуры (вокруг этой темы строилась критика Парсонса Шюцем и, позднее,

Гарфинкелем). Атомизм и индивидуализм натуралистской модели преодолеваются в модели Парсонса ценой столкновения с не менее болезненными проблемами, возникающими при описании поведения людей как конформистского “следования правилам” (об этих проблемах мы будем говорить подробнее при обсуждении интерпретативного подхода).

В сущности, модель, предложенная Парсонсом, как и модель Гемпеля, не дает никаких гарантий соответствия между научным описанием действия, данным социологом, и семантическим описанием с точки зрения действующего. Здесь также остается неразрешенной проблема объективного критерия приписывания интенциональных состояний (см. тему “Позитивизм и дедуктивно-номологическая модель объяснения”, с.32): либо нормы рациональности остаются необязательными с точки зрения “внутренней перспективы” действующего, либо они могут быть сведены к прямому причинному воздействию господствующей нормативной системы и, следовательно, понятие “рационального выбора” утрачивает всякое самостоятельное значение.

IV Интерпретативный подход

Тема 9: От антинатурализма к интерпретативной программе: П. Уинч об объяснительных возможностях “правил” в социальных науках

---

²⁴ Четвертой системой действия является *биологический организм*, представляющий собой самый низкий уровень в иерархии контроля.

В первой части курса (см.: “Введение”) мы уже обсуждали некоторые исторические обстоятельства и концептуальные различия, сыгравшие роковую роль в “эпистемологической схизме”, т.е. в том непримиримом противостоянии натуралистской (позитивистской) и герменевтической доктрин, которое к концу XIX века приняло форму “Диспута о Методе”, породившего, к тому же, некоторое количество “поддиспутов”.

Однако современные интерпретативные подходы в методологии социальных наук весьма далеко ушли от своих номинальных первоисточников. Используемые в них модели объяснения лишь очень опосредованно связаны с идеями дильтеевской герменевтики, “исторической школы” или неокантианства. Куда большую роль в становлении этих подходов сыграли, в частности, веберовская теория рационального действия, модели и методы этнографического исследования (преимущественно, британская традиция культурной антропологии), феноменология, символический интеракционизм, а также очень своеобразная интерпретация лингвистического бихевиоризма Л.Витгенштейна применительно к философии социальных наук, предложенная П.Уинчем.

Отличаясь многообразием “интеллектуальных корней”, интерпретативная традиция все же сохраняет некоторое фундаментальное единство, позволяющее рассматривать ее как исследовательскую программу в широком смысле.

Во-первых, сторонники этой исследовательской программы отрицают тезис “единства метода”.

Во-вторых, они полагают, что в социальных и гуманитарных науках следует использовать особый тип объяснения, отличающийся от объяснения в естественных науках, так как социальное и гуманитарное знание описывает уникальный объект -

людей, обладающих сознанием и наделяющих свои поступки *смыслом* (или *значением*), что, по всей видимости, нехарактерно для физических объектов и событий.

В-третьих, предполагается, что для исследования осмысленного произвольного поведения сознательных человеческих существ должен применяться особый, *понимающий* метод. В некоторых трактовках (герменевтика) этот метод основан на *семантическом объяснении*, в других - на *интерпретации*, объединяющей семантическое объяснение с научным (см.: Сс.14-19).

Натуралистские и функционалистские модели (Гемпель, Парсонс) столкнулись с проблемой неадекватности рационалистских объяснений действия, в которых одновременно: а) в объяснении использовались *общие законы*; б) желания и убеждения (мотивы) действующего рассматривались как *причины* поступков.

Стремление дать искомое объяснение на иных основаниях, в рамках другой логики исследования играло важную роль в развитии интерпретативного подхода. Идея смысловой нагруженности социального действия всегда относилась к устойчивому “концептуальному ядру” понимающей социологии. Но в вопросе о *методе*, с помощью которого ученый может проникнуть в смысл поступков других людей - особенно, принадлежащих к иной культуре, эпохе или социальному слою,- существовали (и продолжают существовать) различные точки зрения. Классические ответы - эмпатическое понимание, *verstehen*, - воспринимались все более критически.

Попытка построить не-натуралистскую модель объяснения действия, основанную на понятиях “*правила*” и “*следования правилу*”, была предпринята П.Уинчем в книге “Идея социальной науки” (1958).

Уинч использует в качестве фундамента своих рассуждений определенную трактовку взглядов Л.Витгенштейна на природу языкового значения (“языковая игра” - это всегда игра, по меньшей мере, двоих, а критерии применимости слова в определенной

ситуации носят принципиально *публичный* характер), а также изложенную в “Философских исследованиях” критику концепции “*приватного*” (*индивидуального*) языка. Витгенштейн обосновывает “грамматическую” сводимость любых описаний душевной жизни к публичным, “ориентированным-на-других” ситуациям их использования, а также социальный характер критериев применимости соответствующих высказываний²⁵. Правила (в том числе, правила употребления слов) здесь по определению являются *разделяемыми*, используемыми совместно с другими людьми.

Исходя из этого круга идей, Уинч строит свое “понятие социального” как *носящего публичный характер следования правилам*. Согласно Уинчу, действие является социальным лишь в той мере, в которой оно определяется правилами и происходит внутри какой-либо “языковой игры”. Публичный, социальный и опосредованный языком характер действия гарантирует его осмысленность и *интеллигибельность* с точки зрения всех агентов, включенных в ту же самую “форму жизни”. Основываясь на ключевой роли правил и языковых значений в том, “что мы подразумеваем под человеческим обществом”, Уинч пытается доказать, что из этого следует *логическая несовместимость* целей и методов объяснения в социальных науках с *причинными обобщениями и законами*, на которых строится естественнонаучное объяснение.

Соотнесение с правилом позволяет, по Уинчу, установить смысл действия, либо обнаружить смысловую эквивалентность двух физически различных поступков (т.е. правило выступает как *критерий идентификации* действия). Вслед за Витгенштейном, он определяет “следование правилу” в терминах самого действия, а не знания правил или стремления им следовать (что для Витгенштейна служило доказательством сугубо

---

²⁵ Л. Витгенштейн. Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы (Часть 1). М.: Гнозис. 1994. См., в частности, §§ 197-202, 243-309.

прагматической и ограниченной возможностями языка природы самих правил²⁶): “Проверка того, являются ли действия личности применениями правила, основана не на том, может ли личность сформулировать это правило, а на возможности провести имеющее смысл различие между правильным и неправильным способами действия”²⁷. При таком определении любое субъективно осмысленное поведение оказывается следующим правилу (т.е. отношение между правилами и действиями рассматривается как *конститутивное*).

Причинные связи, по мнению Уинча, не могут играть какую-либо роль в объяснении поведения, так как всякая причина - не исключая субъективные основания, “резоны” действующего, - находится во внешнем отношении к объясняемому действию, не имеющем ничего общего с логически необходимой, внутренней связью между правилом и действием. Внутренняя связь мотива (желания), правила и действия может быть описана обобщенной моделью “следования правилу”:

“Если вы хотите Y и убеждены, что X - это средство добиться Y, делайте X” .

Критики Уинча неоднократно указывали на то, что такая логическая связь между мотивом, правилом и действием является простой тавтологией, особенностью описания всякого интеллигибельного действия в языке (аргумент “Логической связи”, см. также критику интенционалистских моделей Скиннером, с.37)²⁸. Многие отмечали, что предлагаемый Уинчем подход делает неразрешимой задачу различения следования правилам и отклонения от правил: любой практический поступок можно представить

---

²⁶ См.: Там же, сс.162-163.

²⁷ Winch, Peter. The Idea of a Social Science. London: Routledge & Kegan, 1962. P58.

²⁸ Аргумент “Логической связи” можно сформулировать следующим образом: убеждения и желания действующего не могут быть *причинами* действий, так как являются частью *определения* действия (его “другим описанием”). Логическая связь “по определению” несовместима с причинной связью. Причинная связь двух событий основана на *случайном* (*не необходимым*) характере их следования: доказывая, что А - причина В, мы исходим из того, что вполне можно представить ситуацию, когда А не влечет за собой В, и такое представление не приведет к логическому противоречию. Несколько смягченная

как следование правилу, описывающему этот поступок, либо как отклонение от какого-то другого правила (Ср. у Витгенштейна: “...ни один образ действия не мог бы определяться в соответствии с каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом”). *Неопределенность правил*, принимаемая Уинчем в качестве методологического принципа (правило не указывает на конкретный исход действия, а лишь ограничивает возможные альтернативы), ведет к тому, что основанные на правилах объяснения сталкиваются с той же проблемой “слабой” детерминации, что и причинные теории: правило может применяться либо игнорироваться действующим, последний может использовать правило “с дальним умыслом”, имея в виду совершенно иные цели, или просто делать исключение из правила. Далее, относительно множества устойчивых практик кажется нелепым говорить о возможном правиле: что значит “ходить гулять по правилам” или “курить по правилам” (А.Макинтайр)? Еще менее обоснованной представляется позиция Уинча в вопросе о полезности и адекватности причинно-следственных объяснений в социальных и гуманитарных науках. Можно привести множество примеров адекватных (хотя не обязательно полных) причинных объяснений человеческих поступков. В частности, люди ищут работу, потому что потеряли прежнюю; супруги могут развестись по причине измены одного из партнеров (Дж.Бохман). Субъективные основания действия (в том числе, интересы) значительно лучше, чем правила объясняют такие виды поведения, как обман или манипулирование нормами. Люди нередко используют правила гибко, “стратегически”, договариваясь, **что** в данной ситуации выгодно считать правилом (стратегический интеракционизм Гофмана). Категория “следования правилам” важна для полного и адекватного объяснения. Однако она может работать лишь внутри более широкой модели, включающей внешнее

интерпретация аргумента “Логической связи” предполагает, что убеждения и желания *могли*

(с позиции наблюдателя) и внутреннее (с позиции участника) описание ситуации действия и его непредвиденных для участников последствий. Эта модель должна также учитывать объяснительные возможности “внешних” детерминант и субъективных убеждений, которыми руководствуются действующие.

Тема 10: Проблема интерпретации и “двойная герменевтика”. Пример: “густые” и “жидкие” описания в культурной антропологии.

Интерпретативный подход неоднократно подвергался острой критике, указывавшей на ограниченность и недостоверность используемых данных (т.е. субъективных интерпретаций “с точки зрения действующего”), а также на сведение научного объяснения к семантическому и, следственно, отсутствие нормативных критериев сравнения и оценки *различных* объяснений. Кроме того, классическая трактовка “операции под названием *verstehen*” подразумевала, что понимание смысла ситуации или действия “изнутри”, с точки зрения участников, требует соотнесения с историческим контекстом, неявными правилами, культурными кодами и символами и т.п., так что возможность понимания людей, принадлежащих к иной культуре либо действующих в чуждом контексте, становилась весьма сомнительной. Последнее затруднение в интерпретативной традиции анализировалось как проблема “герменевтического круга”, частными проявлениями которой являются проблемы невозможности понимания текста вне контекста, части вне целого и т.п.

Своеобразным решением перечисленных проблем стало формирование в 1960-1970-е годы радикальной *теории интерпретации* - междисциплинарной парадигмы,

---

бы быть причинами действия, если бы им можно было дать независимое определение.

стремившейся представить все формы человеческой деятельности как символические тексты, порождаемые внутри “мира значений”, вездесущего *культурного контекста*. Соответственно, культурологическая модель истолкования текста рассматривалась как единая методология гуманитарных наук. В философии социальных наук последовательная разработка “сильных версий” теории интерпретации осуществлялась Ч.Тейлором, Х.Дрейфусом, П.Рикером, Х.-Г. Гадамером и другими.

С точки зрения теории интерпретации, социальные науки могут использовать методологию интерпретации (истолкования) текста в той мере, в какой их объект обнаруживает существенные черты текста (Рикер). Объект интерпретации (текст или “аналог текста”) должен отвечать следующим условиям²⁹:

- он должен обладать смыслом и, следовательно, описываться в категориях ясности, согласованности, внятности, либо наоборот - запутанности, противоречивости и т.п.;
- этот смысл должен быть отличен от средств его выражения, т.е. данный набор средств выражения должен быть пригоден для передачи нескольких смыслов (например, поднятая рука может толковаться как выражение поддержки, знак остановиться и т.п.);
- должен существовать субъект (индивидуальный или коллективный агент), которому приписывается производство текста или “аналога текста”.

Из принципиальной *неопределенности интерпретации* (см. второе условие) следует возможность и даже желательность различных “*прочтений*” одного и того же текста, основанных на все более глубоком проникновении в последний. Всякая интерпретация неопределенна, зависит от целостного контекста (фона) взаимосвязанных убеждений, ценностей и практик, а также от позиции интерпретатора (универсальная герменевтика). При таком подходе возражения критиков относительно невозможности указать на нормативный критерий для выбора лучшей или более обоснованной

интерпретации наталкиваются на контраргумент: выбор лучшей интерпретации тоже является всего лишь интерпретацией, более того, *всякое знание* (в том числе, естественнонаучное) может рассматриваться как интерпретация.

Для подкрепления изложенной точки зрения нередко используются некоторые положения постэмпиристской философии науки (см.: "Введение"), в частности, тезис о невозможности "сырых" фактов и нейтрального языка описания, а также положение об относительном характере эмпирического подтверждения (отдельные гипотезы могут быть подтверждены или опровергнуты только относительно всего "фона" вспомогательных гипотез и теоретических предположений).

Критики теории интерпретации указывают на то, что любая интерпретация все же опирается на текст или квази-текст в качестве эмпирического доказательства обоснованности, а также на то, что теория интерпретации так или иначе допускает возможность более глубоких или более согласованных интерпретаций и, следовательно, просто оставляет нереализованной возможность формулировки критериев для сравнительной оценки различных "прочтений". Кроме того, предположение о тотальной зависимости деятельности от культурного или исторического контекста (*хололизм*) не означает, что в каждом конкретном случае действующий должен **знать** обо всех значениях, убеждениях и практиках, служащих фоном его поведения. Вопрос о конкретных элементах контекста, верованиях или обычаях, существенных для действующего (и тем более - для внешнего наблюдателя-исследователя) остается вопросом сугубо эмпирическим и не может решаться априорно. Иными словами, лозунг "Всё - лишь интерпретация" разрушает по преимуществу саму радикальную программу интерпретации, так как не позволяет принять предварительное условие, необходимое для участия в осмысленной (пусть и

---

²⁹ Taylor, Charles. Interpretation and the Sciences of Man // P.Rabinow and W.Sullivan (eds.).

несовершенной) научной практике - поиск и принятие каких-то нормативных критериев, позволяющих оценивать истинность или сравнительную обоснованность различных объяснений. В отсутствие каких-либо процедур для эмпирической проверки сравнительной обоснованности конкурирующих “прочтений” проблема выбора между ними и в науке, и в обыденной жизни решается на тех основаниях, которые обычно игнорируются интерпретативным подходом: выбор определяется *властью* и *интересами*, а обосновывается с помощью *риторики* или, как в литературной критике, ссылкой на *вкус*. (Вольтеровское определение истории как “согласованной выдумки” в этой ситуации может быть применено и к социальным наукам.)

Сильная версия теории интерпретации оказала весьма умеренное влияние на реальную исследовательскую практику в области социальных наук³⁰. Большинство социологов и культурных антропологов ориентировались на некий “веберианский” синтез интерпретации и причинного объяснения, тем более, что обе названные науки располагали довольно давней традицией включенного наблюдения и анализа “чужих” культур и субкультур (классическая этнография, символический интеракционизм Чикагской школы). Так в культурной антропологии, а затем и в социологии стала формироваться более “умеренная” модель интерпретации, сочетающая черты семантического (“глазами участника”) и научного (с позиции исследователя-наблюдателя) объяснений. Одним из популярных обозначений этой модели стало выражение “*двойная герменевтика*” (Э.Гидденс). “Двойная герменевтика” основывается и на *интерпретациях участников*, и на выдвигаемых исследователем *интерпретациях этих интерпретаций*. Так как события социального мира постоянно

Interpretive Social Sciences: A Reader. Berkeley: University of California Press, 1979. Pp.25-7.

³⁰ Примеры действительно влиятельных исследовательских направлений, ориентированных на “сильную” теорию интерпретации, не слишком многочисленны. Это, в первую очередь, конструкционистская “этнография науки” (С.Вулгар, Б.Латур и др.), доказывающая, что наука - тоже интерпретация, а также постмодернистская социология культуры, ориентированная на современные литературоведческие теории (Ж.Деррида).

наделяются смыслом усилиями самих участников указанных событий, социолог или антрополог не может игнорировать эти “народные” определения, разрабатывая собственную интерпретацию происходящего. С другой стороны, интерпретации участников обычно ретроспективны, избирательны, имеют тенденцию смешивать действия и намерения (см. выше критику интенционалистских объяснений с точки зрения аргумента “Логической связи”) и/или игнорировать существенные причинные связи. Иными словами, семантические объяснения участников должны быть опосредованы научными объяснениями.

Проблему непреднамеренных смещений в самоописаниях, этнографических данных и интерпретациях участников предлагается решать с помощью *множественной триангуляции*: стратегии сочетания различных методов, типов данных и моделей объяснения (Н.Дензин).

Модель интерпретации поведения, используемая в культурной антропологии, основана на сближении интерпретации (научное объяснение+семантическое объяснение) и описания. Мы уже отмечали относительный характер разграничения развернутых описаний и объяснений (см. “Введение“). При изучении отдаленной исторической эпохи или чуждой культуры интерпретация даже элементарных поступков или жестов становится проблематичной и крайне *неопределенной*. Исследователю трудно сделать какие-либо теоретические выводы, основываясь на лишенном деталей, “жидком” описании типа: “Ее лицевые мускулы асимметрично сократились”, или даже - “Она подмигнула ему” (Г.Райл). Значение действия должно быть предварительно выяснено посредством отсылок к господствующим нормам, культурному коду, реальным обстоятельствам взаимодействия. Иными словами, результатом этнографического или исторического исследования в идеале является не “просто теория”, а помещенное в более полный контекст (реконтекстуализированное) “*густое*” описание (К.Гиртц). В

той мере, в какой социолог заинтересован в исследовании уникальных событий или групп, он также нуждается в проясняющих суть происходящего “густых” описаниях.

Проблема соотнесения “обыденных теорий”, развиваемых участниками, с концептуальными построениями социолога - т.е. проблема соотнесения “внутренних” и “внешних” объяснений, - в описываемой модели решается прямым (и специально не обосновываемым) постулированием *дополнительности двух видов понятий*: “*близких-к-опыту*” и “*далеких-от-опыта*” (“**Любовь** - это близкое-к-опыту понятие; **привязанность либидо к объекту** - далекое-от-опыта”³¹).

“Умеренная” версия интерпретативной модели разделяет, однако, некоторые принципиальные недостатки “сильной” версии. В ней, во-первых, пессимистически трактуются последствия холизма, т.е. из зависимости знания от целостного контекста (фона) делается необоснованный вывод о зависимости от контекста истинности суждений (проблема *релятивизма*). В действительности целостный характер знания **обеспечивает** как проверяемость отдельных суждений, так и прагматическую эффективность фрагментов знания, “встроенных” в практику: даже законченный релятивист, не знающий устройства 32-разрядного процессора или грамматической системы родного языка, легко обучается использовать персональный компьютер и текстовый редактор для написания трактатов, разоблачающих “объективистские претензии” науки. Во-вторых, модель “двойной герменевтики” все еще допускает, что существуют принципиальные, зависящие от культуры, социального контекста и т.п., и, возможно, непреодолимые различия в нормах рационального действия, а также в оценке истинности убеждений и доказательств (которые можно сформулировать на данном языке, в данной культуре и т.д.). Иными словами, допускается, что иногда **в**

---

³¹ Geertz, Clifford. From the Native's Point of View: On the Nature of Anthropological Understanding// P.Rabinow, W.M.Sullivan (eds.) Interpretive Social Science: A Reader. Berkeley:University of California Press, 1979. P.227.

принципе нельзя понять, “что сказал туземец”. Однако описанная точка зрения предполагает, что существует некий “*неинтерпретированный опыт*”, по отношению к которому могут оцениваться различия в интерпретациях и концептуальных схемах. В идее “свободного от интерпретации” опыта легко распознать идею “теоретически нейтрального наблюдения”, всегда служившую мишенью для критики эмпиризма (Д.Дэйвидсон). Соответственно, критика модели “двойной герменевтики” часто строится на демонстрации того, что базовое единство норм рационального действия и истинность большей части высказываемых суждений являются **предварительными условиями** для возможности общения и, следовательно, для всякой интерпретации.

Тема 11: Этнометодология: исследование пределов “объяснимого”

Этнометодология - это своего рода “внутренняя оппозиция” в интерпретативной социологии. Если доминирующие подходы рассматривают интеллигибельный характер социального действия как данность, а *verstehen* - как метод исследования социального, то для этнометодологов и первое, и второе составляют собственно *предмет исследования*. Возможность понимания смысла взаимодействия и нормативная упорядоченность социальных ситуаций - это вновь и вновь воспроизводимые “достижения” участников, совместно пытающихся придать регулярный и предсказуемый характер множеству ненаправленных взаимодействий и коммуникаций. Эта совместная деятельность рефлексивного объяснения и основанного на таком объяснении проективного упорядочения взаимодействия носит, по выражению Г.Гарфинкеля, “умелый” и в высшей степени специализированный характер. Декларируемая цель этнометодологии - не объяснение или понимание действий людей

в разнообразных социальных ситуациях, а детальное “прослеживание” последовательности интеракций (вербальных и невербальных) и выявление тех методов (“этнометодов”), которые участники взаимодействия используют для придания смысла, регулярности и “правильного” характера всему происходящему. Такое “прослеживание” особенно удобно осуществлять в тех случаях, когда взаимодействие становится проблематичным, коммуникация постоянно нарушается, и - в силу случайных причин либо намеренного вмешательства наблюдателей, - “достижение” интеллигентного и регулярного протекания разговора или совместной деятельности оказывается под угрозой.

С точки зрения Гарфинкеля, предпринятая Парсонсом попытка включить нормы в каузальное объяснение действия превращает людей в “рассудительных придурков”, пассивно воплощающих в жизнь господствующую нормативную систему (см.: “Функционализм”). В *этнометодологической модели объяснения* постулируется, что действующие рефлексивно используют свои обширные “запасы знаний” о ситуации и обстоятельствах взаимодействия, чтобы обеспечить возможность осмысленной интерпретации как собственных поступков, так и поступков других. Соответственно, социальный порядок, “социальная организованность повседневных практик” возникает лишь ситуативно, как результат описанных элементарных взаимодействий (и, возникнув, служит важным ресурсом для “народных” методов объяснения, придания смысла действиям и т.п.).

Отсюда следует, что нормы объективности, рациональности или фактичности полностью зависят от конкретного контекста, привязаны к той случайной ситуации, в которой их удалось “достичь” (они *индексичны*, как указательные местоимения, значение и грамматические признаки которых полностью определяются конкретным контекстом употребления). Даже в фиксированном контексте демонстрация

объективности или рациональности зависит от терпимости действующих к неопределенному и иррациональному: социальная жизнь возможна лишь потому, что люди готовы переносить неопределенность и делать вид, что все ясно в отсутствие всякой ясности (принцип *“и так далее”*). Как невозможна общая теория контекста (т.е. меняющихся конкретных обстоятельств), так невозможны и общая теория рационального действия, объективного суждения и т.п.

Этнометодология успешно справляется с проблемами интенциональности, соотношения норм и намерений и др., остающимися неразрешенными в других интерпретативных моделях. Причина заключается в том, что этнометодологи рассматривают эти проблемы как формальные свойства деятельности (а не отдельных действующих), как методы, используемые ситуативно, *“оппортунистически”*, ради достижения социальной организации. Впрочем, последняя сама является лишь совокупностью таких устойчивых методов.

Специальные эксперименты - *”провокации”*, используемые этнометодологами (как и разработанные в этой же традиции процедуры детального анализа вербального взаимодействия, разговора) заставляют участников продемонстрировать множество специальных приемов сглаживания, нормализации *“возмущений”*, введения дополнительных предположений, которые позволяют при необходимости проинтерпретировать даже явно безумные поступки как осмысленные. (Так студент, попавший на прием к *“консультанту по личным проблемам”*, который на самом деле отвечает на все вопросы абсолютно случайной последовательностью *“да”* и *“нет”*, умудряется дать осмысленную интерпретацию явно нелепым советам.)

При этом этнометодолог не принимает никаких предположений относительно *“определения ситуации”* действующим и не стремится смотреть на происходящее *“глазами участника”*, сохраняя полную *“этнометодологическую индифферентность”*

(Х.Сакс). Его главная цель - сделать очевидными те *рефлексивные рамки*, использование которых позволяет участникам придать происходящему свойство “объяснимости”.

Критика этнометодологии подчеркивает, что последняя как раз и совершает попытку создания “общей теории контекста”, требуя привязки каждого теоретического описания к уникальным и случайным чертам конкретной наблюдаемой ситуации, тогда как и участники, и этнометодологи имеют довольно общее представление о том, чего надлежит “достичь” - правильности, объяснимости и т.п. (Ср. с критикой абсолютизации понятия “правила” в модели Уинча.) Этнометодологический императив “полного описания ситуации” демонстрирует несколько наивную веру в возможности действующих, которым в большинстве случаев едва ли удастся достичь тотальной “объяснимости”. Большая часть последствий межличностного или межгруппового взаимодействия оказывается непредвиденной и непредсказуемой для его участников. Кроме того, этнометодологи игнорируют возможность существования иных, не связанных со “смыслопорождением”, особенностей ситуации и, следовательно, других факторов (скажем, классовых интересов или статусных различий), объясняющих происходящее (Дж.Бохман).

V Структурализм

Тема 12: По ту сторону действия: структуралистская модель в науках о человеке

Структурализм не принимает проводимого в интерпретативных теориях противопоставления естественных наук и наук о человеке, отказываясь также от сопутствующей идеи замены научных объяснений семантическими в социальных и гуманитарных науках. Вместе с тем структурализм далек от попыток объяснить **значимое** поведение с помощью универсальных законов и дедуктивно-номологической схемы. Вместо этого, структурализм стремится обнаружить в поведении людей смысл, который **скрыт** от непосредственного восприятия с точки зрения самих действующих. Исходной точкой для структуралистского рассуждения служит указание на неявную упорядоченность языкового поведения, отношений родства, следования правилам, участия в ритуалах и т.п., что позволяет говорить о их детерминированности. Однако предполагаемые скрытые “двигатели” осмысленного поведения являются не физическими (или нейрофизиологическими) причинами, а *структурными детерминантами* - человеческими установлениями, которые, однако, не поддаются тривиальному сведению к поступкам отдельных действующих.

Как мы видели, редукция описания деятельности к физическому или нейрофизиологическому уровню делает причинное объяснение “внешним”, действие утрачивает интенциональный, осмысленный характер. С другой стороны, интенционалистские объяснения интеллигибельного действия в терминах убеждений, желаний и правил не являются, строго говоря, объяснениями, так как не обладают проверяемым эмпирическим содержанием (см. выше). Кроме того, интерпретативный подход не дает средств для такого описания убеждений и желаний, которое бы не зависело от описания самого действия: самый абсурдный поступок может быть идентифицирован как интеллигибельное действие, если принять, что деятель исходит из соответствующих бредовых убеждений или извращенных желаний.

Структурализм стремится выйти “за пределы” интеллигибельного действия, открыв лежащие в основании осмысленной и значимой деятельности *более глубокие* смыслы, внеличностные структуры, создающие *макросоциальный контекст* действия. Примерами таких структур могут служить **системы родства, фонологические системы, социальные структуры, институты и нормативные порядки**. Таким образом, структуралистские модели объяснения относятся к *макро-уровневым* (тогда как объяснения *деятельности* обычно относятся к *микро-уровню* теоретизирования).

Истоки структуралистских объяснений в социологии нередко прослеживают в идеях Дюркгейма (ср., в частности, обоснование автономии “социальных фактов” и критику редукционистских объяснений социального целого в “Правилах социологического метода”). Однако некоторые версии структурализма принимают принцип *методологического индивидуализма*, т.е. предположение о том, что структурные и реляционные свойства социальных явлений, в принципе, могут быть объяснены действиями, целями, свойствами и т.п. отдельных индивидов (такой точки зрения, в

частности, придерживался один из основателей британской социальной антропологии А.Р.Радклифф-Браун; она же лежит в основании *теории структуризации* Э.Гидденса).

В “сильном” варианте структуралистские объяснения ищут *смыслы, скрытые от повседневного сознания действующих*, и поскольку понятие “интенционального” по меньшей мере по объему совпадает с понятием “сознательного”³², такие объяснения **не являются** интенционалистскими. Структурными инвариантами, задающими неявные правила или законы действия, могут служить системы фонологических оппозиций и глубинные грамматические структуры, изучаемые структурной лингвистикой, структуры бессознательного в психоанализе, отношения собственности и способ производства в марксизме и т.п.

Структуралистские объяснения характерны для современной лингвистики. Структуралистская революция в лингвистике произошла в начале века под влиянием работ Ф.де Соссюра, противопоставившего совокупность неписаных правил *языка* их актуальному использованию в *речи* как совокупности повседневных высказываний индивидуальных носителей языка. Новая парадигма очень быстро превратила лингвистику из исторической и описательной науки в теоретическую и высокоформализованную: бинарные оппозиции признаков, определяющие закономерности различения звуков носителями языка, были описаны структурной фонологией; затем глубинные структуры были выявлены и на уровне грамматики и синтаксиса (Н.Трубецкой, Р.Якобсон, Н.Чомски). Тот же подход был успешно применен к анализу сложных нарративных последовательностей (первооткрывателем в этой области был отечественный исследователь В.Пропп, описавший морфологическую структуру волшебной сказки).

---

³² Дискуссия о том, тождественны ли эти понятия по содержанию, остается одной из самых острых тем в современной логике и философии. Положительно отвечает на этот вопрос, в частности, один из основателей психолингвистики Дж.Фодор (“невозможны интенциональные зомби”), отрицательно - выдающийся логик и философ Дж.Сёрл.

Успехи структурной лингвистики способствовали распространению структуралистского подхода на “сопредельные” гуманитарные дисциплины. В социальных науках первые образцы структуралистских объяснений были разработаны в *культурной антропологии*. Структурные модели объяснения характерны также для таких влиятельных исследовательских программ, как *психоанализ* и *марксизм*, которые вскрывают по преимуществу неосознаваемые людьми инвариантные, универсальные отношения, стоящие за наблюдаемой эпифеноменальной реальностью человеческого сознания и практики.

Принято выделять следующие устойчивые особенности “сильных” структуралистских объяснений³³:

- социальные явления трактуются как сложноорганизованные системы отношений, единичные элементы которых (например, фонемы или элементы ритуала) могут быть объяснены лишь в соотнесении с другими элементами;
- структурный анализ рассматривает видимое поведение (практику, дискурс и т.п.) как систему знаков, *код*, нуждающийся в дешифровке - т.е. в выявлении системы означаемых, - так что структурное объяснение всегда является *семиотическим* в широком смысле;
- универсальные и инвариантные элементы структуры могут анализироваться *синхронически*, т.е. относительно независимо от исторических и частных (*диахронических*) контекстов их возникновения;
- универсализм “тайных” структур языка, родства, социального обмена, власти и т.п. обеспечивает широкие возможности для их коммуникации и взаимной трансформации.

---

³³ См.: Keat, R. and J. Urry. *Social Theory as Science*. London: Routledge, 1975. Pp. 124-5.

Тема 13: Структурная антропология

Самая завершенная структуралистская концепция в культурной антропологии принадлежит К.Леви-Стросу. Леви-Строс предпринял беспрецедентную по своим масштабам попытку концептуализировать столь различные явления как *мифы, примитивные системы классификаций, брачные правила и системы родства* в качестве **коммуникативных знаковых системы**, которые, в свою очередь, могут быть подвергнуты семиотическому анализу. Результатом анализа таких коммуникативных систем (к которым, по мнению Леви-Строса, могут быть отнесены также нормативные порядки и институты современных обществ) становится открытие глубинных структур, организованных как совокупности *бинарных оппозиций* элементарных единиц или отношений. Эти глубинные структуры являются, как полагает Леви-Строс, не сверхиндивидуальными, а интраиндивидуальными - врожденными бессознательными универсалиями мышления, определяющими *логическую организацию* человеческой психики. Единство этой логической организации создает возможность трансформации коммуникативных систем (так, одна и та же оппозиция “индивидуальной биологической репродукции - социальной солидарности” тематизируется и в простейших правилах экзогамии³⁴, и в мифе об Эдипе). Следовательно, анализ конкретной коммуникативной системы - например, мифа, - должен включать в себя определение базисной совокупности оппозиций и соответствующих тематических элементов “плана выражения”, а также всех

---

³⁴ Экзогамия и запрет инцеста препятствуют превращению семьи в изолированную биологическую общность (что, возможно, являлось бы наилучшей стратегией самовоспроизводства), обеспечивая возникновение элементарной социальной структуры обмена.

возможных перестановок и комбинаций тематических элементов. Решению этой общей задачи может способствовать сравнительный анализ этнографического материала, изучение различных вариантов определенного мифа и т.п.

Характерный пример структуралистского объяснения можно обнаружить в работах представителя британской структурной антропологии Э.Эванс-Притчарда, исследовавшего социальную организацию памяти у нуэров (скотоводов из Судана). Проведенный Эванс-Притчардом анализ социально структурированной памяти о предках, если рассматривать его с точки зрения используемой объяснительной модели, поразительно напоминает мертоновскую концепцию роли “структурной амнезии” уже совершенных открытий в науке (М.Даглас, 1986). Если у Мертона систематическое забывание является неотъемлемой чертой организации науки, то у Эванс-Притчарда систематическое, институционализированное публичное припоминание является важнейшей частью социальной организации нуэров. Нуэры обнаруживают поразительную память: каждый информант может легко припомнить от восьми до одиннадцати поколений предков. Точнее, полностью припоминаются четыре поколения, считая от легендарного основателя племени, и как минимум четыре-пять поколений родственников информанта, причем наличие “разрыва” в цепи искусно сглаживается и не осознается рассказчиком. Способность воспроизводить имена всех родичей в пределах трех поколений (считая от рассказчика) при движении и вверх, и вниз по генеалогическому древу объясняется существующей структурой брачных обменов. Для обоснования любых индивидуальных притязаний в этой сфере нуэры используют следующее фундаментальное уравнение: сорок голов крупного рогатого скота=один брак. Это же уравнение используется во всех других транзакциях, например, при выплате компенсации за убитого или разделе имущества. Публичная институционализированная память нуэров работает следующим образом: человек,

идуший на свадьбу, либо должен отдать корову, либо рассчитывает получить корову. Тот, кто “инвестирует” в расходы жениха, рассчитывает получить корову “в следующем поколении”, когда его дочь будет выходить замуж. Из того скота, что распределяется на свадьбе, по корове получают родственники невесты до пятого колена, далее которого притязания на родство не признаются. Каждая свадебная церемония, таким образом, превращается в публичное “исчисление родства”. На коллективно реконструируемых индивидуальных “генеалогиях” (и на вытекающих отсюда обоснованных притязаниях на скот), в полном согласии с принципом трансформации коммуникативных систем, держатся и другие институты нуэров: политические альянсы, мобилизация молодых людей во временные военные союзы, определение социального статуса индивида и т.п.

Критика структуралистских объяснений в антропологии, как мы увидим, в общих чертах совпадает с критикой социологического структурализма. Во-первых, существенные возражения вызывает тот результат структуралистских объяснений, которым сами структуралисты склонны гордиться - “децентрация субъекта”. Структуралистское объяснение попросту оставляет за пределами содержательного обсуждения те представления, которые играют столь существенную роль и в “повседневных теориях” психического, и в интенционалистских моделях, - автономию субъекта, переживание воления и смысла действия и т.п. Иными словами, гуманистическая критика структурализма (в частности, критика Леви-Строса Ж.-П. Сартром) в значительной степени совпадает с гуманистической критикой бихевиористских моделей объяснения. Кроме того, структурализм разделяет многие проблемы функционализма, так как для преодоления обвинений в скрытой телеологии такие явления, как “селективное выживание” и устойчивость структур, должны быть “прописаны” на микроуровне, т.е. подкреплены соответствующими микросоциальными

теориями, выводящими “факты о структурах” из “фактов об индивидуальных действующих”. Наконец, часто отмечают, что структурализм абсолютизирует противопоставления содержания и концептуальной структуры, что в пределе превращает структуралистское объяснение в набор довольно бессодержательных логических тавтологий.

*Тема 14: Структуралистская перспектива в марксизме и фрейдизме:
“слепые силы” материального и сексуального производства*

Существуют различные - и в разной степени спорные - структуралистские интерпретации **марксизма** (Л.Гольдман, Л.Альтюсер и др.). Фундаментальное значение для этих многообразных интерпретаций имеют несколько ключевых идей классического марксизма. Во-первых, Маркс придавал решающее значение структурам материального производства, базису, считая, что он, в конечном счете, определяет правовые, политические и идеологические институты “надстройки” (которые, впрочем, оказывают обратное влияние на воспроизводство сложившихся экономических отношений); во-вторых, Маркс полагал, что такие характеристики социетального уровня, как разделение общества на классы (стратификация), отчуждение и эксплуатация структурно детерминированы частной собственностью на средства производства и, соответственно, могут быть объяснены лишь через отношения собственности; в-третьих, марксистская теория постулирует, что явные социальные конфликты и революционные сдвиги могут быть “расшифрованы” лишь посредством

анализа взаимоотношений между двумя структурными компонентами базиса - динамически развивающимися производительными силами и более инерционными социальными отношениями, возникающими в процессе производства (в том числе, отношениями собственности).

В классическом психоанализе, в отличие от марксизма, ведущую роль в объяснении поведения людей играют не структуры материального производства, а латентные структуры человеческой психики. Однако и макроуровневые марксистские модели, и относящиеся скорее к микроуровню модели психоанализа исходят из предположения о том, что и действия отдельных людей, и “поступки” социальных агентов институционального уровня обладают внеличностной логикой и часто совершаются, в марксовой формулировке, “помимо их воли” (ср. трактовку идеологии у Маркса и иррациональных поступков и снов у Фрейда).

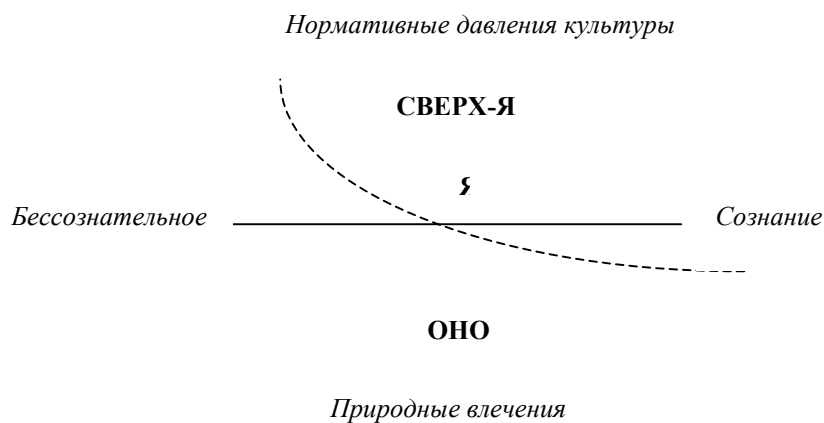
Критика Фрейдом классической менталистской психологии концентрируется прежде всего на концепциях “воли” и “сознания” и во многом совпадает с рассмотренными ранее аргументами тех, кто критикует интенционалистскую модель действия. Фрейд рассматривает психоанализ как последний сокрушительный удар по “вселенскому нарциссизму человечества”. (Человек обнаруживает, что не является господином космоса (Коперник), природы (Дарвин), своей продуктивной деятельности (Маркс)³⁵ и, наконец, собственного психического аппарата.) В своей элементарной форме характерная для психоанализа трехкомпонентная модель структуры психического аппарата (см.: Рис.2) возникает как пересечение двух бинарных оппозиций: *природа-*

---

³⁵ О высокой оценке Фрейдом марксовой трактовки экономических отношений как структурной основы феномена власти свидетельствует, в частности, следующее замечание, содержащееся в работе “Недовольство культурой”: “...мне кажется несомненным, что реальное изменение отношений собственности принесет больше пользы, чем любая этическая заповедь”. Социалисты, однако, не достигают цели, так как игнорируют второй источник структурной детерминации - человеческую (прежде всего, собственную) природу. См.: З.Фрейд. Недовольство культурой// Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. Сс.132-3.

культура и сознательное-бессознательное. Цель рационального, т.е. эффективного с точки зрения достижения максимального удовлетворения, действия может оставаться бессознательной. Несовершенства в координации различных бессознательных целей, а также абсолютная или относительная неэффективность средств - источник неудачных, внешне “иррациональных” или “патологических” действий (так, невроз может быть **слишком дорогой** ценой индивидуального приспособления к определенным требованиям культуры).

Рис. 2

Еще одной важной структурной оппозицией, несколько усложняющей базовую модель, является противопоставление *сексуального влечения /Эроса/ - инстинкта смерти /Танатоса/*. (В ранний период - т.е. до написания работы “По ту сторону принципа удовольствия”, 1920, - Фрейд предпочитал говорить об оппозиции *сексуального влечения*, энергетически обеспечивающего формирование привязанностей и социальной солидарности, и *инстинкта самосохранения*, проявляющегося как *интерес, стремление к самоудовлетворению*.) Кроме того, действие может быть ориентировано либо на немедленное, либо на стратегическое, отсроченное удовлетворение, чему соответствует различие *принципа удовольствия* и *принципа реальности*, описывающих различные фазы психического развития. Возникновение неврозов и

аномального поведения психоанализ связывает с неспособностью “Я” примирить противоречивые устремления “Сверх-Я” и “Оно”, что происходит в силу чрезмерной выраженности влечений либо неэффективности вытеснения. Именно с функцией вытеснения Фрейд связывал существование многих социальных институтов.

Классическая критика фрейдизма подчеркивает, что утверждения психоаналитика не могут быть подвергнуты прямой фальсификации (например, отсутствие успеха терапии всегда можно объяснить тем, что за отведенный срок подлинный глубинный смысл симптомов не был выявлен и осознан). Кроме того, критики отмечают, что глубинные мотивы поведения в психоаналитических объяснениях отличаются от явных по преимуществу своей осознанностью, т.е. глубинные интерпретации во многом воспроизводят объяснительные схемы “обыденной психологии”.

Современные примеры структуралистской трактовки марксизма можно обнаружить при анализе *теорий деятельности и личности*, которые разрабатывались в советской психологии и социологии. Хотя систематическое описание моделей объяснения, использовавшихся в этих теориях, остается в значительной мере делом будущего, несомненны структуралистские “мотивы” теории опредмечивания потребности и объектной/предметной детерминации сознания в деятельностном подходе (С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев), как и дуализм структуры ценностей - структуры установок, прослеживаемый теорией диспозиционной регуляции социального поведения (В.А.Ядов и соавт.) на микро- и макроуровне анализа.

Тема 15: Социологические версии структурализма. Пример: три образа власти (Маркс, Парсонс, Фуко)

В социологии к структуралистским моделям объяснения прибегали многие ведущие теоретики, в том числе упоминавшиеся ранее Парсонс и Мертон.

Одной из самых радикальных структуралистских концепций в социологии можно считать структурную теорию П.М.Блау, восходящую к некоторым идеям Дюркгейма и Зиммеля. Макросоциологическая перспектива у Блау первоначально возникает в рамках разрабатывавшейся им теории обмена (“Обмен и власть в социальной жизни”, 1964), где Блау демонстрирует влияние структурных ограничений и неопределенности возможных прибылей/издержек на выбор в элементарной модели обмена. Основой для возникновения связей между людьми является “социальная аттракция” - стремление взаимодействовать с другим человеком либо в силу его собственной привлекательности, либо в силу возможности получить внешние вознаграждения (универсальными эквивалентами внешнего “подкрепления” в процессе обмена, по Блау, могут быть *деньги, услуги, уважение, уступки*). При невозможности предложить сколь-нибудь эквивалентный обмен “аттрактивной” персоне, действующий может либо отказаться от взаимодействия, либо предоставить другому “обобщенный кредит власти”, которым тот волен воспользоваться позднее, потребовав от “должника” подчинения. Так неравенство индивидуальных ресурсов при элементарном обмене ведет к возникновению *неравенства и власти*. Неравенство и власть в межличностных отношениях предопределяют возникновение социальной структуры, а также сил социального изменения. Блау описывает этот процесс как цепочку, состоящую из трех звеньев:

1) *межличностное взаимодействие* ведет к возникновению различий статуса и власти;

2) *дифференциация* статуса и власти ведет к *социальной организации* и (ее) *легитимации*;

3) легитимация и организация усугубляет неравенство, создавая условия для *оппозиции* и *социального изменения*.

Социальная структура, однажды возникнув в процессе микросоциального взаимодействия, становится относительно автономным окружением последующих взаимодействий и накладывает на них определенные ограничения, разрушение которых может стать лишь результатом успешно организованной оппозиции. Сходным образом Блау описывает возникновение более сложных сетей межгруппового обмена, зарождение институтов, смену лидерства и т.п.

В сформулированной им позднее более радикальной версии социологического структурализма Блау отказывается от использования в социологических объяснениях переменных, относящихся к уровню индивидуального действия или культуры³⁶, концентрируя внимание на дифференцированной структуре позиций и групповых процессах. Социальная структура возникает в результате распределения людей по различным позициям, влияющего на их ролевые отношения и взаимодействие. Дифференциация происходит по двум главным типам структурных параметров. К первому типу относятся *номинальные* параметры, дифференциация по которым не подразумевает непосредственного статусного ранжирования; возникающие в результате подмножества имеют качественно определенные границы (раса, пол). Ко второму типу относятся *градуированные* (метрические) параметры. Здесь позиции явно упорядочиваются вдоль континуума непрерывно возрастающего статусного признака (например, дохода или образования). Социальная группа определяется на основе номинального параметра, в основе же статуса, по мнению Блау, лежат градуированные

параметры. Отсюда выводятся две формы социальной дифференциации - *гетерогенность (неоднородность)* как распределение населения по группам и *неравенство* как статусное распределение по градуированным параметрам.

Интеграция, как полагает Блау, возникает не под влиянием единой нормативной системы или принуждения, а в результате “далеко зашедшей” дифференциации (преимущественно, по номинальным параметрам): в условиях высокой гетерогенности внегрупповые связи предпочтительнее отсутствия всяких ассоциаций.

Проблемы, возникающие перед “тотальным структурализмом”, связаны с тем, что в используемой модели объяснения заранее исключаются из рассмотрения любые возможности внеструктурной детерминации, определяющие то или иное распределение людей по параметрам дифференциации (личностные ресурсы, экономические отношения и т.п.) и, кроме того, преувеличивается относительная автономия двух типов “социальных различий” (достаточно отметить то тривиальное обстоятельство, что параметры гетерогенности, подобные полу или расе, нередко имеют вполне иерархическую ориентацию, за которой удастся обнаружить отношения неравенства и доминирования). Наконец, хотя тотальный структурализм отрицает объяснительное значение психологических факторов для социологии, индивидуальные предпочтения действующих при выборе соседа, брачного партнера или начальника продолжают играть роль своеобразного пускового механизма в процессах формирования и воспроизводства макроструктур. Последнее обстоятельство придает сомнительный характер самоочевидным, на первый взгляд, различиям между *методологическим индивидуализмом* и *холизмом* (модели “невидимой руки” в экономических теориях рационального выбора, которые принято рассматривать в качестве классического

---

³⁶ См., в частности: Blau, P. *Inequality and Heterogeneity: A Primitive Theory of Social Structure*. New York: Free Press, 1977.

образца индивидуализма, также используют предпочтения индивидуальных агентов как стратегический исходный параметр).

Структуралистский подход оказывается максимально эффективным в тех случаях, когда он применяется к социальным явлениям, которые могут быть обозначены как “макроуровневые” и “нематериальные”. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что существует несколько явно структуралистских теорий власти. Сравнение этих теорий может указать возможные направления для модификации базовой модели структуралистского объяснения.

В качестве первой структуралистской концепции власти может быть рассмотрена предложенная Марксом модель, объясняющая очевидные различия между людьми в возможности властвовать (“над кем-то” или “над чем-то”) более глубинными различиями в экономических, материальных отношениях, прежде всего в отношениях собственности. Успех в борьбе за контроль над материальными ресурсами ведет к возможности контролировать других людей, которая, в свою очередь, позволяет увеличить материальные ресурсы. Возникающие первоначально в сфере материального производства властные различия распространяются далее на политические и идеологические институты, “консервирующие” реальные классовые отношения. Власть в этом случае поддается аналитической (по меньшей мере) редукции к отношениям собственности.

Парсонс признает “реляционную”, структуралистскую природу марксистской концепции власти, однако критикует сведение власти к ограниченным материальным ресурсам, так как последнее подразумевает, что “количество господства” в обществе в точности равно “количеству подчинения”³⁷. Парсонс полагает, что власть может рассматриваться как неограниченно расширяемый ресурс, подобный технологическому

---

³⁷ См.: Parsons, T. *Power and the Social System*//S.Lukes (ed.) *Power*. Oxford: Blackwell, 1986.

могуществу. Чем сложнее и дифференцированное общество, тем больше ресурсов трансформации (преобразования внешнего и внутреннего окружения действия) и, следовательно, тем больше власти оно содержит. Структурным “носителем” власти для Парсонса является государственная система (*polity*), организующая эффективное коллективное действие. В свою очередь, власть служит обобщенным средством обмена для этой системы. Голосуя за представительную власть, люди инвестируют собственные ресурсы власти в государство, подобно тому, как они инвестируют деньги в банк. Парсонс, однако, не проводит оптимистическую аналогию между политической и экономической подсистемами так далеко, чтобы обнаружить в первой структурные эквиваленты инфляции и банкротств. Кроме того, остается неясным *кто* производит власть (тогда как контроль над производством денег обычно локализован внутри политической, а не экономической подсистем) и почему следует полагать, что в распоряжении индивидуальных агентов оказывается приблизительно равное количество властных ресурсов, которые могут быть легко отчуждены от исходных владельцев³⁸. (В этом отношении структурализм Парсонса напоминает скорее веберовский легитимизм, подразумевающий, что “настоящая” власть основывается на сугубо добровольном согласии подданных).

М.Фуко принято относить к постструктуралистам, рассматривающим явные знаковые структуры не как абсолютные семиотические данности, а как намеренные (т.е. осуществленные в чьих-то интересах) “аранжировки”, и ставящим своей задачей раскрытие исторического происхождения этих “аранжировок”. В частности, Фуко осуществил обширное историческое исследование происхождения таких современных институтов как тюрьма, гуманитарное знание, психиатрическая клиника. Фуко далек от того, чтобы рассматривать власть как отчуждаемый индивидуальный ресурс. Власть

---

³⁸ Отметим, что предположение о возможности отчуждения от личности власти над собой -

всегда является отношением, она не поддается абсолютной локализации и циркулирует в качестве своеобразного “тока” в организационных сетях. Обратная сторона властного отношения - это, конечно, не “добровольное подчинение”, а сопротивление. Отдельные индивиды - лишь носители власти как тотальной системы действия, одновременно обладающие властью и подчиняющиеся власти других. Главные объекты регуляции в системе власти - это язык (дискурс власти дает определения другим людям и предотвращает возможность альтернативных описаний) и тело (его активность подлежит нормализации и регуляции во времени и пространстве). В современном обществе власть не основана на прямом насилии, она рационализована и использует сложные техники обучения, дисциплины и надзора. Прототип современной технологии власти - тюрьма, использующая не пытки, а детальные бюрократические правила, основанные на научном знании. Именно превращение человека в объект гуманитарных наук знаменовало собой окончательный синтез знания и власти, характерный для Нового времени. Этот “научно-правовой комплекс” обеспечил возможность выносить повседневные решения о моральности и нормальности любых человеческих поступков³⁹. Становление *дисциплинарного общества* в идеале превращает людей в “тела знания”, столь радикально “прописанные” правилами и регуляциями, что нужда во внешнем контроле практически отпадает: господствующий моральный дискурс и популяризованные доктрины гуманитарных наук усваиваются так глубоко, что всякий сам дисциплинирует и себя, и ближнего. Институты государственной власти утрачивают свое господствующее положение, уступая лидерство “микropolitике власти”, реализуемой преимущественно в сфере личных отношений.

пусть и в добровольном порядке, - противоречит самой идее “естественного права”.

³⁹ См.: Foucault, M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage, 1979.

ЛИТЕРАТУРА

К разделу I (“Введение”)⁴⁰:

* А.Каплан. Принцип методологической автономии исследования: от реконструированной логики к реально используемой логике.

* А.Макинтайр. “Факт”, объяснение и компетенция.

* У.Аутвейт. Законы и объяснения в социологии.

* Т.Кун. Структура научных революций. М.:Прогресс, 1977.(Особенно, гл.1, 3, 10).

* М.Малкей. Наука и социология знания. М.:Прогресс, 1983. Сс. 37-49, 54-108.

Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Гл.1.

Р.Коллинз. Социология: наука или антинаука?// THESIS. 1994. №4.

М.Фридмен. Методология позитивной экономической науки//THESIS. 1994. №4 (особ. сс.30-51).

Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978. Сс.102-116.

Дильтей В. Описательная психология. М., 1924.

Вебер М. Смысл “свободы от оценки” в социологической и экономической науке//

М.Вебер. Избранные произведения/Под ред. Ю.Н.Давыдова. М.: Прогресс, 1990.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Московский философский фонд - Медиум, 1995.

К разделу II (“Натурализм”):

---

⁴⁰ Здесь и далее звездочкой отмечена обязательная литература к разделу. Под разделительной чертой - литература, рекомендуемая для дополнительного чтения.

* К. Гемпель. Мотивы и “охватывающие” законы в историческом объяснении// Философия и методология истории/ Под ред. И.С.Кона. М.: Прогресс, 1977.

* У.Дрей. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке// Философия и методология истории. М.: Проогресс, 1977.

* Э.Дюркгейм. Метод социологии// Э.Дюркгейм. Социология. Ее предмет, метод, предназначение/ Пер. с фр., составление, прим. А.Б.Гофмана. М.: Канон, 1995. Сс.7-68.

* Б.Скиннер. Оперантное поведение// История зарубежной психологии (Тексты). М.: Изд-во МГУ, 1986. Сс.60-97.

* Дж.Хоманс. Социальное поведение как обмен// Современная зарубежная социальная психология (Тексты). М.: Изд-во МГУ, 1984. Сс.82-91.

Э.Нагель. Детерминизм в истории // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977.

К.Поппер. Нищета историцизма. М.: Прогресс-VIA, 1993. (Особ., гл. II и IV.)

И.Ф.Девятко. Диагностическая процедура в социологии: очерк истории и теории. М.: Наука, 1993. Гл. 3,4.

Дж. Тернер. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. Часть IV (“Теория обмена”).

К разделу III (“Функционализм”):

* Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. №2. Сс.118-124; №3. Сс.91-96; №4. Сс.104-114.

* Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. №2. Сс.94-122.

* Ковалев А.Д. Становление теории действия Т.Парсонса // Очерки по истории теоретической социологии XX столетия. М.: Наука, 1994. Сс.168-197.

* Девятко И.Ф. Мертоновский корректив к парсоновской версии структурного функционализма // Очерки по истории теоретической социологии XX столетия. М.: Наука, 1994. Сс.197-204.

Мертон Р.К. Фрагменты из воспоминаний. Публ. и комм. Н.Е.Покровского // Социологические исследования. 1992. №10. Сс.128-133.

Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. Гл. 3 и 4. Сс.42-124.

К разделу IV (“Интерпретативный подход”):

*Шутц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2.

*Новые направления в социологической теории. М.: Наука, 1978.

*Ионин Л.Г. Понимающая социология: историко-критический анализ. М.: Наука, 1979.(Гл. 2 и 3).

*Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. (Ч.2, гл. I, II).

*Вебер М. Основные социологические понятия. (Гл.1, “Понятие социологии и “смысла” социального действия”) // Избранные произведения / Под.ред. Ю.Н.Давыдова. М.: Прогресс, 1990.

*П. Рикер. Герменевтика и метод социальных наук // П.Рикер. Герменевтика. Этика. Политика. М.: АО “КАМІ” - Изд. центр” Academia”, 1995. Сс.3-18.

*К.Гиртц. С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Л.Витгенштейн. Философские работы (Часть 1). М.: Гнозис, 1994. (См., в частности, §§ 197-202, 243-309).

Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. Гл.11 (“Символический интеракционизм”) и 16 (“Этнометодология”).

К разделу V (“Структурализм”):

* К.Леви-Строс. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. Гл. I, II, XI, XV.

* З.Фрейд. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. (Особ., лекции 17-19, 26, 35).

* В.У.Тернер. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ндембу) // Семиотика и искусствометрия. М.: Мир, 1972.

* К. Маркс. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т.13.

* В.Я.Пропп. Морфология сказки. М.: Наука, 1969, 2-е изд.

Ю.М. Лотман. Структура художественного текста. М.:Наука, 1970.

Ю.Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.:Просвещение, 1966. Гл.1-3.

З.Фрейд. Недовольство культурой // З.Фрейд.Психоанализ. Религия. Культура. М.:Ренессанс, 1992.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред.В.А.Ядова. Л.:Наука, 1979. Гл.1.3-1.4.

В.Тэрнер. Символ и ритуал. М.:Наука, 1983.